

Жак РУ

РЕЧЬ О ПРИЧИНАХ НЕСЧАСТИЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Приведено по:

Французский ежегодник, 1959. М.: 1960.

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* ©

ВСТУПЛЕНИЕ

Французы, свобода предана. Подкупленные генералы открыли двери в наше государство; орда варваров надвигается, чтобы захватить нашу землю; фанатики, вооруженные факелами и кинжалами, призывают к восстанию и разорению наших департаментов. Из недр крамольных групп поднимает свою отвратительную голову тирания. Собственность больше не признается. Ревностное стремление к целомудрию поругано, отцы, матери, дети становятся добычей свирепых разбойников. Трехцветное знамя растоптано ногами, избранные народом должностные лица подвергаются нападению и при жизни еще видят разбросанные вокруг себя отрезанные части своего тела; одним словом, земля равенства окутана скорбным покровом, голод опустошает нашу страну; заговорщики идут на Париж; мы слышим набатный колокол смерти; отечество, потрясенное тысячь ударов, готово погибнуть.

Доколе народ будет игрушкой дерзости и ярости, доверив свою судьбу жестоким и жадным людям, ненавидящим общественное благо и добродетель? Доколе контрреволюционная шайка будет поднимать голову из покрывающей ее грязи, поставив свои преступления образцом законов? Доколе фанатизм, питаемый кровью и проскрипциями, будет поднимать знамя резни, и люди, недоступные состраданию, будут заставлять нас влачить существование, полное лишений и страданий?

О, мое отечество, неужели ты пробудилось ото сна, в который погрузило тебя рабство, только для того, чтобы снова вернуться в рабское состояние, и неужели ты разбило оковы, в которые, содрогаясь, впивалось зубами, чтобы нести на себе еще более тягостное бремя? Нет, нет, граждане, вы не для того вышли невредимыми из судорог двух неизбежных революций, не для того на кровавых обломках монархии создали мощную республику, чтобы предаться позору и бесчестью, чтобы позволить коронованным тиранам раздавить вас тяжелой палицей. Момент опасности - триумф для людей, полных энергии и мужества. При виде пропасти, готовой поглотить вас, ваша душа станет великой и пламенной; последствия этих преступлений, предательств и злодеяний будут благоприятны Франции.

Итак, суверенный народ, восстань в последний раз, заклейте лоб заговорщиков печатью твоего священного гнева; пусть гроза равенства разразится над чудовищами, заковавшими тебя в цепи в час твоих побед и триумфов, и тогда рабские исполнители воли деспотов и устрашающая шайка лицемерных трибунов, разъяренных ханжей, сильных своей подлостью и вероломством и желающих навязать нам короля и оковы, будут сокрушены об утесы свободы.

Но чтобы разбить, распылить, уничтожить тех, кто с такой надменностью и жестокостью пытается подчинить себе нацию, я заклинаю вас заглушить личные страсти неизменными чувствами братства! День, в который был спасен Рим, был днем, когда граждане, разъединенные недоброжелательством, забыли про свои разногласия, чтобы поразить сообщников Катилины. Давайте объединимся вокруг святилища законов и создадим из наших рук непреодолимую преграду. Наше мужество и добродетель, которые являются оружием свободного народа, заставят противников нашего счастья удивляться своей слабости и своему варварству. Мы будем жить преисполненные гордостью, ибо мы отомстим за республику и погибнем без сожалений, ибо свобода сумеет нас пережить.

Прими, о мое отечество, мою новую клятву защищать тебя до конца моих дней. Если я не властен отвратить от тебя угнетающие тебя бедствия, то я все же буду утешать себя тем, что разоблачал пожирающих тебя пиявок, лицемеров, роющих могилу, чтобы повергнуть тебя в рабство, и предателей, пронзающих твою грудь. Итак, в первой части моего труда я изложу главные причины общественных бедствий, а во второй - средства, с помощью которых можно попытаться остановить ход их развития... и пусть гений свободы придаст моей мысли огненные крылья; пусть голос мой, подобно грому, поразит ужасом и заставит исчезнуть с лица земли надменных тиранов, преступников, гордых желанием обратить в рабство свободную землю и давших клятву уничтожить республику и унижить человеческий род.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Исследование причин несчастий Французской республики - задача нелегкая. Отвратительные источники наших бедствий столь многочисленны и размеры преступлений во всех областях жизни столь велики, что объем предмета обсуждения дает оратору полную возможность заблудиться на этом обширном поле. Все же, чтобы привести в известный порядок столь важный предмет, я рассмотрю, что именно подготовило и привело к столь бедственному положению. Рассматривая вопрос с этой точки зрения, я делаю различие между общими и частными причинами общественных бедствий, говорю о безнаказанности преступлений, об отсутствии общественного мнения... и о спекуляции.

Лекарство от наших болезней заключается в конституции, основанной на законах свободы и равенства, в правильном выборе общественных должностных лиц во внушительной сосредоточенности сил*.

Необходимо уничтожить внутреннего врага сильными ударами: наказать заговорщиков, обезоружить подозрительных граждан, отстранить от исполнения общественных обязанностей граждан из бывших привилегированных классов. Необходимо возложить на богачей все военные расходы, улучшить положение народа и установить законы, основанные исключительно на равенстве и свободе.

Необходимо провести поголовное ополчение, чтобы поспешить к границам, необходимо конфисковать в пользу волонтеров имущество тех, кто, не будучи больным, под всяким предлогом отказывается идти под знамена и закрыть лавки, торгующие предметами роскоши.

Раздел первый

Необходимо показать себя строгим, безжалостным и неумолимым по отношению к тем, кто занес святотатственную руку на кивот завета - декларацию наших прав; следует обрушить громы права на предателей, которые [...] рабство рядом со свободой.

Но вместо того, чтобы поразить священным топором палача чудовищ, поклявшихся унижить человеческий род, законы долгое время служили им руководством для совершения всякого рода преступлений: в самом святилище свободы заговорщики нашли место для неизмеримых злодеяний. Действительно, проследим различные эпохи революции и увидим, что при старом порядке преступление не могло бы с большей наглостью и успехом поднять голову. В самом сенате негодяи, опытные в искусстве нарушения своих клятв, задушили свободу еще в колыбели. Права народа были предательски проданы королевскому двору, жаждущему крови и богатств, а лицемерам, проливающим кровь граждан, выдавались гражданские венки. Простите меня, если я разрываю здесь покров, скрывавший бесчисленные интриги, жестокость, предательство п подлоги, жертвами которых мы были: но каждый из нас обязан говорить своему отечеству всю правду; чтобы засыпать пропасть, следует сначала мужественно измерить ее глубину. До чего только не дошли злоупотребления и растраты министров, расточительство администрации, несправедливость судей, заговоры городских властей, измены армейских казначеев, ярость фанатиков, мятежи священников, не присягнувших конституции, угнетение патриотов и заговоры врагов отечества! В святилище законов были предложены проекты контрреволюции, при дворе точили кинжалы; в кабинете министров разрабатывали планы предательства, во всех частях государства, на земле и на море размышляли над тем, как погубить отечество. Враги шли на всевозможные злодеяния: они поднимали смуту в наших колониях, залили кровью наши департаменты (и если бы не 10 августа, то одна половина нации была бы убита, а другая обращена в рабство). Но несмотря на то, что мы оказались окруженными толпой воров, предателей, гнусных аристократов и убийц народа, многие ли из них поплатились головой за свои злодеяния, растрату общественных денег, покушения на общественную безопасность?*** О, свобода оказалась лишь пустым призраком, ответственность за злодеяния - химерой. Министры, украшенные орденами разбойники, люди, занимающие высокие посты, почти всегда избегали смертной казни. Они свободно могли устраивать заговоры, разжигать внутри страны пламя нетерпимости и тирании [...] за ее пределами шайки варваров. Секира закона никогда не настигла бы их, если бы народное правосудие не заменило притворной слепоты трибуналов.

Между тем небесный гром должен был поразить именно хранителей национальной казны, агентов исполнительной власти, королевских Комиссаров, вероломных управителей, недобросовестных судей, контрреволюционных генералов, лукавых священников и всех людей, занимающих общественные посты***. Достаточно, чтобы заговорщиков, подобно жене Цезаря****, коснулось подозрение, чтобы они взошли на эшафот, потому что они наносят смертельный удар миллионам граждан и повергают в рабство настоящее и будущие поколения. Однако преступления оставались безнаказанными, вам это известно. Депутаты являлись то слугами народа, то слугами двора, то надевали, то снимали с себя ливрею рабства, то говорили о своей любви к отечеству, то разрывали его на части: сначала они дали Франции, истомившейся под ярмом королей, конституционного тирана, получившего имя монарха, а затем передали ему в наследство все, что было нужно, чтобы развратить народ и вызвать контрреволюцию: громадный гражданский лист, ключ от общественной казны, инициативу в вопросах мира и войны, право назначения министров, генералов, послов, право раздачи наиболее доходных должностей, отсрочивающее вето, сопровождаемое формулой «король рассмотрит», и, наконец, неприкосновенность или право безнаказанно убивать народ. Во время рокового пересмотра они, не краснея, дали монарху [...] права, в которых они ему отказали, когда он низко льстил нации, а общественное мнение было заглушено резней, происходившей на той самой площади Федерации, где представители народа только что поклялись па алтаре отечества защищать ценой жизни священные права человека. О! Пусть исчезнет память о не знающем стыда должностном лице, о бесчестном командире, о свирепых людях, подавших сигнал к резне и впоследствии поощрявших спекуляцию, скупку с барышнической целью, вывоз звонкой монеты, съестных припасов и людей, а также амнистировавших заговорщиков. Правда, что те, кто сперва торжественно протестовали против суверенности народа, потом нуждались в паспорте, чтобы присоединиться к орде германцев и разбойников, нанятых в провинциях с целью опрокинуть колеблющееся здание новых законов.

Какое средство может излечить наши беды? Не подумайте, граждане, что я собираюсь унижить здесь установленные власти (представительство). Я знаю, что свободно избранные на определенное время депутаты являются оплотом свободы. Я знаю, что созданные их мудростью законы являются живым доказательством суверенности народа, и выдал не одну награду представителям, проникнутым сознанием святости своих обязанностей.

Но признаемся, что за последние четыре года добродетель истинных приверженцев идеи равенства потерялась в толпе предателей, как маленький ручеек теряется в большой реке... Впрочем, я никого не хочу здесь осуждать. Я только изложу факты... Вам известно, что границы не были укреплены! (границы не были укреплены), граждане, живущие в департаментах, не были вооружены, на складах не было провианта, боеприпасов и запасов всякого рода. Министры и общественные должностные лица безнаказанно предавали дело народа. Между тем при полном недостатке сил и средств по первому предложению Людовика*****, готового щедро проливать кровь патриотов, но весьма бережно относящегося к крови изменников, была объявлена война Австрии, которая уже два года тому назад вступила в союз с тиранами Европы для того, чтобы обратить нас в рабство! Война неполитичная, ибо в ней проявилась жажда завоеваний, а мы от них отказались; война несправедливая, ибо в ней погибли народы, которые впоследствии стали бы нашими друзьями и братьями; война роковая, ибо она служит предлогом к чрезмерному вздорожанию съестных припасов, поглощает остаток общественных средств и обрекает несколько миллионов людей на смерть. Тем не менее честь французов требует, чтобы эта война была доведена до конца, хотя бы ценой их жизни.

Я не буду говорить о преследованиях, которым подвергались истинные друзья народа; о смертельных ударах, нанесенных свободе мнений; о протекции, о называемой наемным писакам, оплачиваемым по цивильному листу; о безнаказанности, которой пользовались священники, не присягнувшие конституции, заговорщики и наглый диктатор*****; сначала подло покинувший свое знамя, чтобы припасть к ступеням трона, а затем проникший в законодательный корпус, чтобы наносить оскорбления величию народа, доблестному мужеству патриотических обществ; и лояльности жителей, жаждущих свободы или смерти. Это было лишь началом бедствий, которые обрушились на Францию. Главные удары были направлены на Париж, вероломные генералы пытались послать против граждан этого громадного города, на которых они непрерывно клеветали, войска, предназначенные для борьбы против внешнего врага. Но нельзя вооружить солдат отечества против старших сыновей свободы. Друзья короля сохраняют за собой право на подлости и покушения, и вот уже (крепости) Лонгви и Верден, в результате гнусной измены, находятся в руках противника.

С другой стороны, господствующая шайка роялистов в храме законов точила кинжалы и указывала прихвостням двора жертвы, которые те должны были уничтожить. Дворец тирана был укреплен, как крепость. Вокруг него были расставлены сбиры, чтобы проливать кровь народа; таким образом, Париж оказался между огнем контрреволюционеров и армией Брауншвейгского... Остановись, остановись, тигр, жаждущий человеческой крови! Варвары, вам не удастся насладиться плодами ваших злодеяний. День славы настал. Франция превратилась в ошметинившийся оружием лагерь. Гром свободы потрясет землю; предателей и заговорщиков повсюду ждет поражение и смерть.

Вы слышите звон набатного колокола. На голос отечества спешат союзники из департаментов. Швейцарцы, которым жестокий и трусливый Людовик XVI произвел смотр и которые выполнили его приказ о бойне, убиты. Дворец тирана занят победителями. И французы стали республиканцами.

Следует думать, что великие события вдохновляют души. Национальное собрание, наконец, прониклось сознанием святости своих обязанностей. Оно предписало серьезные меры по обеспечению общей безопасности: оно отрешило от должности монарха, застигнутого на месте преступления: желая со своей семьей наслаждаться варварским удовольствием попирать ногами трупы, он искал убежища у тех представителей народа, которых следовало убить... К чести последних представителей этого собрания следует упомянуть об их признании недостаточности имеющихся в их распоряжении средств для спасения дела народа и необходимости созыва первичных собраний.

Это, несомненно, явилось бы значительным обеспечением общественного спасения, если бы интриганы не подготовили в различных местах выборов членов, из которых должен был состоять будущий Национальный конвент, и если бы конвент, собравшись, вместо своих заседаний продолжал сохранять гордую и благородную позицию, которую он занимал, постановив, что Франция является республикой единой и неделимой.

Но один подкупленный министр*****; развратитель народа, заразил департаменты ядом своих писаний: состоящие на жаловании у контрреволюционной шайки пасквилянты извращали события, которые могли в самой большой мере возвысить души. Секта умеренных, более жестокая, чем [...] секта повсюду разбрасывала семена гражданской войны. С другой стороны, иностранные державы тратили колоссальные деньги, чтобы спасти Людовика последнего от эшафота; как хрупкому кораблю государства не разбиться об окружающие его скалы?

Увольте меня от показа вам картин злобы, оскорблений, клеветы, раздоров и опасностей, которым подвергалась нарождающаяся республика; увольте меня от показа вам средств, которыми пользовалась подлая и безжалостная шайка для того, чтобы на развалинах отечества установить господство деспотизма. История огненными буквами начертала их имена и краснела от стыда за средства, которыми пользовалось преступление, чтобы погубить свободу и обеспечить безнаказанность тирана. И, может быть, вы не вынесете тяжести негодования, если я открою перед вами всю глубину пропасти, которая была вырыта под нашими ногами.

Однако бывают такие обстоятельства, когда необходимо сказать все до конца, не опасаясь даже открыть еще кровоточащие раны: дерзкая рука покусилась на суверенность народа (пролила кровь представителя народа), кровь Лепелетье была пролита убийственным оружием рабов королей. У кого из нас не вырвется крик боли? Кто из нас не будет стремиться порвать цепи столь обширного заговора? До настоящего времени деспотизм последовательно применял все средства, которыми он только располагал, чтобы остановить ход свободы. Клевета, преследования, предательства, безнаказанность преступлений, спекуляция, барышническая скупка товаров, создание преторианской стражи - деспотизм не пренебрег

ничем, чтобы воскресить суеверия и надменность, поднять департаменты против Парижа и разжечь гражданскую войну. Деспотизм не жалел ничего, чтобы оправдать сброшенного с трона тирана, царствование которого было царствованием злодеяний. Поглядите на крайнюю нужду, на отсутствие дисциплины и дезорганизацию наших армий, на спокойствие и безучастие министров и общественных должностных лиц. на ухищрения генералов, жаждущих золота и крови и стремящихся увековечить оковы народа, жаждущего славы и свободы. Поглядите на дымящиеся трупы древней Бретани и на грозные приготовления иностранных держав, нападающих со всех сторон на республику и приносящих на наши берега смерть и опустошение. Поглядите на ярость священников и бешеную злобу дворян, извергающих внутри страны армии разбойников, которые подают сигналы к преступлениям, грабежам, убийствам и оставляют за собой лишь голод, рабство и смерть*****.

Но успех преступлений, подобно молнии, лишь освещает пропасть, которая поглотит изменников. Оскорбленная свобода нашла защитников. Голова тирана слетела; и была сорвана маска с негодяев, желавших восстановить королевскую власть на развалинах окровавленной Франции! Совершенно верно, что ничто не может устоять перед правосудием, что достаточно обладать мужеством и добродетелью, чтобы расстроить самые черные замыслы, и что рано или поздно оружие заговорщиков обратится против них самих. Поэтому Национальный конвент, преследуя злодеев на троне и покарвав мечом законов последнего короля французов, заслужил право на вечную благодарность всех народов. Можно даже с уверенностью сказать, что если он совершил несколько ошибок, обнаружил некоторую слабость и отстал от революции, то, совершив великое дело отмщения, большинство конвента подало пример всему миру и очистилось от упрека в том, что в течение некоторого времени работало в направлении, противоположном тому, куда призывал его долг!

Итак, пусть Национальный конвент явится нашим сборным пунктом. Святая гора раздавила своим падением чудовищ, которые хотели навязать нам короля и оковы; поддержим нашим мужеством ее доблестные усилия; защитим нашими телами святилище законов: и поднимемся все, чтобы уничтожить тех, кто хочет преобразовать в федерацию нашу республику, кто кует цепи для человеческого рода и стремится задушить свободу в ее победном наступлении.

Раздел второй

Если безнаказанность преступлений повлекла за собой часть поразивших нас бедствий, то следует признать, что недостаток общественного мнения немало способствовал их усилению. Однако, лишь распространяя путем просвещения свет философии и любовь к свободному государственному устройству, можно было надеяться иметь достаточно сил, чтобы вынести тяжесть и славу этого времени. Лишь поддерживая в состоянии постоянной деятельности общественный разум и предрасполагая людей к восприятию отрадных уроков истины и мудрости, можно обеспечить им наслаждение пользованием правами, которые они себе вернули.

Однако ни одна единообразная система национального воспитания не обеспечивала для всей совокупности граждан способности понимания суверенности народа, достоинства и своих обязанностей. Чтобы понять, полюбить и защищать свободу, нужен был гений талантов, гражданские учреждения, как экономические, так и коммерческие, а также развитие принципов общественного договора: чем нужнее было открыть дверь познаниям, которые являются пищей и сокровищем свободного человека, тем более старались погубить народ невежеством. Казалось, что народ неспособен оценить свет и подняться до высот наук и искусств. Казалось, что предрассудки и ошибки являются наследием тех, кто порвал оковы, и что их души неспособны оценить очарование морали и добродетели.

Каких только бедствий не причинило ослабление общественного мнения! С каким успехом деспотизм пользовался глупостью большого числа людей, чтобы их развратить, унижить и опозилить! Здесь священники, бог которых находится на том берегу Рейна, приказывают совершать злодеяния душам, рожденным для добродетели... По слову фанатиков, слабый разумом народ огнем и мечом стремится нанести удар отечеству и опрокидывает алтари свободы! Подкупленные и продажные негодяи через посредство тлетворных аристократических газет толкают армию на путь недисциплинированности, ярости, дезертирства... Сбитый с толку солдат перестает покоряться закону: мудрость перестала быть следствием победы, триумф нации больше не сопровождается милосердием.

Кто бы мог исчислить и описать бедствия, причиняемые застою общественного мнения? Спросите у народа, кто погрузил его в состояние страха и неуверенности в завтрашнем дне, кто устранил от его очагов спокойствие и изобилие, кто заставляет его следовать советам подлости и вероломства и с удовольствием предаваться самым гнусным порокам, барахтаться в грязи преступлений, - и он вам ответит: это невежество. Спросите у народа, кто позволил обмануть его дезертирам общественного долга, низкопоклонникам и министерским пройдохам, людям, развращенным в придворных передних, и всем тем, кто под личиной благодетельной гуманности держит в своих руках нити заговоров и волнений, нанося удар отечеству, и он ответит: это - невежество. Спросите у народа, кто побуждает его к мятежам, кто заставляет рабский дух брать верх над усилиями свободы, кто внушил ему панический страх, кто привел его под знамена рабов, клятвопреступников и стольких чудовищ, запятнанных пороками и позором, выросших или постаревших среди пороков королей, и он вам ответит: это - невежество. Спросите у народа, почему он погубил человека, который пожертвовал собой ради его счастья и его славы?***** Почему он забывает небо, под которым родился, землю, которая его питает, законы, которые его охраняют: почему свобода, покровительствующая ему и дорогая всем людям, кажется ему отвратительной и мучительной, - он вам ответит, что это происходит от невежества.

Одним словом, это невежество побудило народы взяться за оружие, чтобы защищать суеверия, надменность и низкопоклонство. Если поток бедствий устремился на Францию, если беспорядок анархии поколебал храм нарождающихся законов, если свобода в своем стремительном полете не облетела поверхности земли, то это произошло потому, что свет истины и справедливости не проник через мглу рабства. Коронованные тираны и подчиненные им деспоты имели больше оснований опасаться декларации трав человека, чем громов войны; они пустили в ход оружие, золото и кровь народа, чтобы помешать распространению неопровержимых принципов равенства.

Они действительно знали, что люди, которых привлекут к устройству отечества, будут бороться против низости и соращения к преступлениям; они не станут жертвовать религией ради своих страстей, не станут защищать ее, совершая жестокие поступки... Они хорошо знали, что человек, проникнутый сознанием своего небесного происхождения, незамедлительно поднимает протест против всякого рода деспотизма, нетерпимости и притеснений; он не продаст своей свободы тем, кто его унижает с целью его ограбить; он накажет предателей, которые клеветают, чтобы запугать и развратить народ; они прекрасно знали, что если зажечь во всех сердцах священный огонь любви к независимости, то гений, мужество и добродетель станут достоянием цивилизованного народа, деспоты будут уничтожены, а народы станут суверенными.

Да прославится в веках славное время, когда народное просвещение подымет французских граждан до уровня вечной справедливости, когда сознание своих прав и добродетельное стремление ко всеобщему благу приведет их к свободе или же когда благородное соревнование талантов будет способствовать пониманию ими человеческой природы, религий, нравов различных народов, мощных средств поощрения наук и искусств, словом всего, что имеет отношение к механическим изобретениям, процветанию торговли и всех открытий, приносящих людям удовольствие и пользу.

Как только народ будет привлечен к наслаждению науками, как только общественные мастерские и благотворительные учреждения придут на помощь нужде, он будет радоваться счастью своих сограждан, юн будет защищать мораль и законы, бороться против пороков, он будет тверд своей добродетелью. Народ добр и богат, как сама природа, справедливость имеет своих защитников и свобода - свои алтари, где ей поклоняются! В каких же преступлениях повинны те, кто не разбудил народ от его спячки, которая представляет собой сон смерти и рабства! Каких только бедствий ни причиняют обществу те, кто не обращается к общественному мнению из страха его развратить, кто не воодушевляет и не оживляет инертную массу народа, распространяя с пылающим факелом истины в руке идеи патриотизма.

Но только что посаженное дерево свободы никогда не пустит глубоких корней и не даст нам приюта в своей гостеприимной тени до тех пор, пока питающий огонь образования не проникнет в души, пока благодетельные школы не нанесут удара порокам, царствующим во всех религиозных учреждениях, до тех пор, пока народу не откроют ту великую истину, что религия представляет собой лишь науку и путь к счастью людей, что духовные пастыри - лишь охранители закона и свободы, что божество сильно лишь своим стремлением к возвращению человеческому роду полноты его прав, к лишению угнетателей их власти и к спасению людей от состояния одичания и позора.

Поэтому в свободном государстве религиозный культ должен быть построен на знакомстве с основами общественного договора. Человек не должен больше быть поработан ложью, предрассудками и лицемерием. страхом, силой и невежеством; простые добродетели, чувства братства - вот тайны религии! Уважение к законам, ненависть к тиранам - вот ее догмы. Отечество и свобода - вот ее Бог!

О! Если бы слуги нашей религии, проникнутые этими принципами общественного спасения, тысячью способов распространения в народе республиканское образование; если бы они приложили столько же стараний к распространению принципов революции, сколько они в течение восемнадцати веков приложили усилий, чтобы опутать народы цепями невежества, тогда бы реки крови не покрывали землю. Вам не пришлось бы видеть горы трупов, обращенные в пепел города, разоренные деревни. Вам не пришлось бы слышать жалобных стонов несчастных, лишенных пищи и одежды жертв, которых ожидает лишь рабство или смерть; и наконец, тогда земля не требовала бы у земледельцев и у отцов их детей...

Поскольку деспотизм злоупотреблений, трона и алтарей во все времена был обязан своим рождением победе предрассудков и заблуждений, поскольку системы дезорганизации, убийств и хищений, обусловившие столько гибельных потрясений, были порождены подавлением умственных способностей, одичанием народа и отсутствием общественного мнения, поторопимся придать общественному мнению прочные основы, воздвигнем памятники успехам знаний и создадим повсюду школы, способные образовать человека и гражданина. Образование членов большой семьи то же самое, что солнце для земли.

Конституция будет осуществляться на основах благородства, достоинства и чувства меры лишь в том случае, если философия осветит своим факелом людей, погрязших во мраке под сенью смерти.

Если вы хотите, чтобы отныне религия больше не опиралась на рабство, а рабство - на религию, если вы хотите навсегда затушить факелы гражданской войны, то просветите народ! Если вы хотите, чтобы солдат свято соблюдал дисциплину, чтобы он мужественно шел вперед под знаменем отечества и чтобы победа сопровождала его на пути - просветите народ! Если вы хотите, чтобы все люди объединились между собой и чтобы повсюду царствовал порядок и мир, и чтобы повиновение законам стало культом - просветите народ!

Наконец, если вы хотите вновь разжечь благодетельный порыв к соревнованию, размножить пути к общественному благоденствию, распространить на земле царство добродетели - просветите народ. Он всегда готов к восприятию истины, он любит ее, он к ней привязан. Поэтому в его преступлениях виноваты те, кто удерживает его в состоянии одичания. Когда народ проникнут сознанием своего достоинства, своей силы и своих обязанностей, он гордо разбивает свои оковы, видит в своем ближнем отражение себя самого, признает над собой лишь власть законов и находит радость лишь в добродетели. Его светоч - философия, его оружие - справедливость, общественное мнение - его оплот; в священных храмах он поклоняется отечеству, в Капитолии блюдет свою славу, в святилище законов защищает невинность, на войне борется против врага и умирает героем. Революция породила удивительное явление, которому с трудом поверит потомство, - это ярость, с которой враги республики пытаются погубить ее, предав голодной смерти, разорить ее, довести до отчаяния. Никогда еще народ не был окружен таким числом вампиров и пиявок, даже в те времена, когда благополучие тиранов зиждилось на крови людей и хищения были самым обычным явлением. Спекуляция дошла до такой степени, что трудящийся класс общества не может прокормиться на земле, политой его слезами, а богатый пользуется правом жизни и смерти бедняка. Как ужасно оказаться в положении, когда извне нам угрожает оружие убивающего нас врага, а изнутри нас пожирают негодяи, выпивающие капля по капле кровь несчастных! Разве такова должна быть награда за те бесчисленные жертвы, какие они принесли ради победы свободы? И неужто они свергли власть королей только для того, чтобы стонать под тяжелым ярмом аристократии кошелек?

Не будем обвинять в наших несчастьях революцию; она должна была естественным путем доказать обездоленному рабочему и классу людей, угнетенных феодальным деспотизмом, возможность более счастливой жизни; и я не хочу приводить вам других доказательств преимуществ, на какие следовало бы надеяться, кроме тех усилий, какие прилагают тираны Европы в коалиции с нашими внутренними врагами для восстановления старого режима, при котором деспоты соревновались между собой в методах выжимания соков из народа...

Но роковой декрет, допустивший продажу серебра и тем самым дискредитировавший бумажные деньги, дал ростовщикам и контрреволюционерам возможность наживаться на несчастьях народа. Крупные земельные собственники в зависимости от меры своей скупости открывали и закрывали свои склады продовольствия; богатства, присвоенные духовенством, и национальные имущества почти все перешли в руки людей, обогатившихся за счет крови вдов и сирот; магистраты и военные захватили плоды труда земледельцев и завладели всеми отраслями торговли. С другой стороны, особые комиссии, которые как бы выдают патенты на воровство, разрешают вывоз продуктов первой необходимости за моря и горы; и когда народ, проживающий на плодородных долинах, жалуется на голод, ему в утешение ссылаются на законы военного времени.

Согласно общему плану угнетения, проводимому с таким искусством, как (не почувствовать его тяжести) друзья свободы не почувствуют его тяжести? Но лишения, которым они подвергаются, чрезмерное вздорожание съестных припасов, вызывающее со всех сторон вопли и слезы, - все эти несчастья не следует приписывать ниссу, порядку вещей; причину их следует искать в недобросовестности, ненасытной алчности, недостаточной строгости законов, одним словом - в спекуляции, и нам легко указать на тех, кто в ней повинен. Вероломные представители, вы поощрили это гибельное для общества бедствие, когда дали свое согласие на роковое соперничество между бумажными и серебряными деньгами, когда допустили выпуск громадного количества бумажных денег в департаментах, когда не провели границ между торговлей и мошенническими сделками, наказывая смертью хлебных барышников. Министры и генералы, вы поощряли спекуляцию, когда производили платежи звонкой монетой в странах, с которыми мы находимся в состоянии войны, когда, принося свободу находящимся в рабстве народам, вы не заставили их принимать наши ассигнаты по цене серебряной валюты, когда покупали у наших врагов оружие и одежду вместо того, чтобы поощрить наши мануфактуры. Избранные пародом должностные лица и начальники национальной гвардии, вы поощряли спекуляцию всякий раз, когда требовали слепого повиновения законам, порожденным золотом гражданского листа, всякий раз, когда проливали кровь сограждан, сопротивлявшихся угнетению, всякий раз, когда не присоединяли своего голоса к голосу голодного народа, который в республике является всем и для которого не было сделано ничего, когда он был несчастен и не мог существовать на плоды своих трудов. Служители культа, вы поощряли спекуляцию, когда не обрушили молний истины на ростовщиков и монополистов, когда не имели мужества разоблачать этих людей без сердца, которые разоряют и без зазрения совести пожирают имущество обездоленных, когда не распространяли великих принципов свободного государства, заключавшихся в том, что плоды земли как и силы природы принадлежат всем людям, что общество и право собственности не основываются на том, чтобы заставлять умирать с голоду и от истощения себе подобных. Человек, рождаясь, получает свободу. Солнце без разбора освещает существа, рассеянные на поверхности земного шара, и природа щедро наделяет своими богатствами всех своих детей. Эгоисты-людоеды, по какому праву нагромождаете вы на своих чердаках и в своих складах продукты, которые должны быть распределены между членами нашей большой семьи? По какому праву присваиваете таланты и искусства и все полезные и приятные проявления человеческого гения? Удовлетворите, наконец, вашу алчность, остановите течение источников и ручьев!.. Но спросите у природы - все люди братья. Поднимите глаза к небу - все глаза равны перед небесами. Если не существует двух

классов граждан, одного, - обреченного на нищету и позор, другого, - наслаждающегося изобилием и господством над ему подобными, то почему вы, варвары (ибо если бы вы были менее жестокими, то внушали бы мне лишь презрение), почему вы каждое мгновение заставляете людей, таких же как вы, испытывать все муки голода? Когда народ, согбенный под тяжестью своих цепей, поднимает священное восстание, вы клеветаете на его мужество и его добродетель, вы кричите во все горло об убийствах и дезорганизации. Спекулянты, вы - анархисты и убийцы, ибо вы нарушаете самые священные права - законы природы; ибо вы вырываете у рабочего и у ремесленника хлеб, в котором они нуждаются, чтобы существовать; ибо вы вашей монополией создали ужасающий налог на пот и кровь народа; ибо вы повсюду приносите нужду, отчаяние и смерть. Пруссаки, стоящий у наших границ, не так опасен, как вы. Если он направляет на наших солдат убийственный свинец, то пушки свободы могут дать ему отпор. Мужество противопоставлено мужеству и сила - силе. Но вы, спекулянты, под маской братства объявляете войну нашим собственным армиям; одним росчерком пера вы обрекаете их на голод и смертные муки; в то время как наши храбрые волонтеры подвергаются риску войны, чтобы защитить ваши особы и вашу собственность, и умирают, пронзенные тысячь пуль, вы на вес золота продаете ткани, которые нужны вдовам, чтобы осушить их слезы. Вы продаете на вес золота рис и мед, служащие пищей их детям.

Посмеете ли вы теперь утверждать, что любите отечество? О, если это правда, что вы ему служите, то вы это делаете для себя, а не для него; если это правда, что вы ему служите, то вы это делаете ради богатств и преимуществ, которые оно вам доставляет; если это правда, что вы ему служите, то вы это делаете, чтобы подавать ужасающий пример варварского отношения сильных людей к слабым, богатых к бедным. Давайте рассмотрим вашу политическую жизнь: на занимаемых вами постах вы - трусливые и честолюбивые тираны в тех случаях, когда стоит вопрос о защите людей и наказании изменников, храбрые, когда речь идет о том, чтобы убивать свободу, патриотизм и добродетель; к тому же вы всегда готовы получать пиастры и дукаты и заливать кровью города и деревни. Но, спекулянты, покажите нам ваши кошельки. Ваши быстро приобретенные богатства неопровержимо доказывают ваши плутни, ваши измены, ваши преступления. До взятия Бастилии вы ходили в лохмотьях, а теперь ваша роскошь является оскорблением общественной нужды. У вас едва ли была жалкая лачуга, теперь вы живете во дворцах; у вас был всего-навсего один плуг, теперь вы обладаете громадными землями; вы продавали на улице всякую мелочь, теперь у вас огромные магазины; вы были всего только мелким конторским служащим, теперь вы вооружаете военные корабли; ваша семья просила милостыню у первого встречного и только ею и жила, теперь ей поручено снабжение наземных и морских войск. Понятно, что я больше не удивляюсь тому, что имеется столько людей, внешне горячо преданных революции. Она дала им драгоценный предлог, чтобы патриотически и в короткое время нагромоздить сокровища на сокровища и скрыть свои хищения за непроницаемой завесой. Во время господства всяких Ришелье, Сартинов и Неронов, когда порча нравов достигла своего апогея, постыдились бы подобного расточительства и подобной жестокости по отношению к находящемуся в рабском состоянии народу. По какому роковому стечению обстоятельств Франция голодает, в то время как последний урожай дал столько хлеба, что его могло хватить на три года? По какому роковому стечению обстоятельств съестные припасы всякого рода, причем даже плохого качества, повысились в цене в два и три раза, в то время как ввозные пошлины отменены и число потребителей уменьшилось... Вы скажете, что в этом повинна война. Но разве французы никогда не поднимали оружия против иностранных держав? При жестоком Людовике XIV французам пришлось бороться против лиги королей, и спекуляция не распространила над страной знамени голода, нужды и разорения. Неужто потому, что 200 тысяч человек погибло от оружия австрийцев, что защитники республики поднимаются массами, чтобы отомстить за кровь своих братьев, неужто потому следует, чтобы те, кто охраняет их очаги, были вынуждены нуждаться во всем, жить в нищете и слезах? Следует ли фабрикантам, купцам и банкирам протягивать друг другу руки с одного конца республики до другого, чтобы привести народ к печальному выбору: либо питаться булжниками, либо покупать необходимое продовольствие по непомерным ценам? Одним словом, из-за того, что мы ведем войну за пределами страны, следует ли, чтобы аристократия и богачи объявляли нам еще более ужасную войну внутри страны, чтобы торговля, которой они злоупотребляют, служила предлогом к тому, чтобы взять народ за горло и потребовать от него кошелек или жизнь? Казалось бы, наоборот, что именно во время войны ужасы спекуляции должны прекратиться и внутри страны должно царствовать изобилие. Если существуют такие обстоятельства, при которых съестные припасы должны быть по средствам трудящемуся классу общества, то именно в тот момент, когда приведенная в смятение Европа с яростью бросается на нашу землю, в тот момент, когда миллионы французов оспаривают друг у друга честь пролить свою кровь за отечество, в тот момент, когда мы образуем одну семью философов, друзей и братьев... Но вы, грязные торговцы из всех классов, вы лишь на словах высказывали свою приверженность священным законам равенства... Немудрено, что вы приписываете войне то, что является результатом развращения ваших сердец и вашей подлости. Берегитесь, говорю я вам. Милосердие имеет пределы... Народ, доведенный до отчаяния своими страданиями, может жестоко заклеить негодяев, которые столько семейств довели до нищеты...

Но вы утверждаете, что причиной дороговизны съестных припасов и всех испытываемых нами бедствий являются ассигнаты. Лицемеры, разве до их появления не существовали ассигнаты учетных контор: во все времена торговля в Европе совершалась через посредство общественного кредита, чеков, кредитных билетов и векселей, которые передавались из одного места в другое и из одного государства в

другое государство: впрочем, разве ассигнаты не представляют собой реальный залог и разве они не обеспечиваются честностью французского народа... Но имеется громадное количество ассигнатов [...] Бедняк этого не замечает... Ну что ж, колоссальный выпуск этих облигаций является доказательством их распространения и питаемого к ним доверия. Англия, долг которой может быть в двадцать раз превышает ценность ее земли. Процветает только благодаря своим банкнотам. Итак, раз количество бумажных денег ничего не говорит о присущей им ценности, то неужели большое количество находящихся в обращении ассигнатов дает право на хищничество в торговле, на скупку съестных припасов, на присвоение имущества и распоряжение жизнью своих сограждан? Но в обращении ассигнаты теряют значительную часть своей ценности... Почему же тогда банкиры, купцы, контрреволюционеры внутри страны и за ее пределами наполняют ими свои сундуки? Почему они так жестоки, что уменьшают жалование некоторых рабочих и не вознаграждают за труд стольких других? Почему не платят учетный процент при покупке национальных имуществ?.. Дело в том, что мы получаем из-за границы много товаров, и спекулянты хотят получать за них только деньги. Это неправильно. Торговля почти всегда совершалась в виде обмена товаров на товары и ценных бумаг на ценные бумаги; причем купцы часто предпочитали векселя звонкой монете. Я утверждаю, что металлической валюты всякого рода, находящейся в обращении в Европе, недостаточно, чтобы выкупить сотысячную часть выпущенных банкнот. Поэтому ясно, как день, что вы, спекулянты, подрываете доверие к нашим ассигнатам только для того, чтобы по более дорогой цене продавать металлическую валюту, чтобы использовать возможность безнаказанной монополии и торговли в своих конторах кровью вам подобных, которую вы жаждете пролить.

Но вам как будто неизвестно, в какую сторону повернутся дела*****.

Так я вам это скажу*****. Народ жаждет свободы и равенства, республики или смерти. Именно это вызывает в вас, спекулянты, озлобление и приводит в отчаяние, гнусные пособники тирании и защитники преступлений королей...

Поэтому, когда вам не удалось поработить народы с помощью золота и подлостей, клеветы, страха и силы, вы употребили последнее рабское средство, чтобы заглушить в сердцах любовь к свободе. Вы захватили хлеб, поля, леса, виноградники, мастерские, мануфактуры, морские порты, все отрасли торговли, все плоды земледелия, вплоть до кожи животных, чтобы уморить голодом, жаждой и наготой друзей отечества и заставить их броситься в объятия деспотизма. Но вы можете сколько угодно пытаться народ захватами имущества и голодом, вам не удастся обратить в рабство людей, которые живут лишь мечтой об оружии и свободе. Пусть приверженцы монархии предпочитают старинные цепи и (позор) сокровища бессмертию. Груз нищеты не удержит тех, кто поднимается к облакам, чтобы обезоружить молнию. Пусть спекуляция морит голодом наши края, пусть оружие врага превращает в пепел наши города, пусть небеса ниспосылают на нас свои громы, пусть вся природа объединится, чтобы нас погубить: причуды судьбы, сплоченные силы деспотов, ярость стихий, несправедливость людей - ничто не может поколебать нас. Республиканец скорее готов увидеть свою кровь, истекающую из тысячи ран, чем подчиниться тирании, его легче убить, чем сбить с толку - он боится лишь рабства.

О СРЕДСТВАХ БОРЬБЫ ПРОТИВ ПОТОКА ОБЩЕСТВЕННЫХ БЕДСТВИЙ

Когда какой-либо народ одновременно испытывает ужасы войны, спекуляции, голода и предательства, когда от свободы до рабства и от жизни к смерти остается всего один шаг, следует проникнуться великой идеей о том, что общественное спасение является высшим законом и что поэтому следует принять самые быстрые и самые строгие меры. В том опасном положении, в каком находится республика, можно принять только одно решение, а именно - сильными ударами сразить противника. Внутри страны мы должны победить армию мятежников и заговорщиков. Мы должны предать в руки закона всех, кто начиная с 1789 года предавал дело народа, разоружить и арестовать всех подозрительных граждан и возложить на богачей все расходы, связанные с войной. За пределами страны нам следует отразить лигу королей. Станем же все под знамена и направимся на границы.

Неоспорима истина, что земля свободы не была бы осквернена иностранными войсками, что департаменты не подверглись бы ужасам гражданской войны, не оказались бы осажденными с суши и с моря, если бы в то время, когда набат свободы прозвучал над всей Францией, народ остановил преступные действия своих естественных врагов: князей, священников и дворян, если бы молнии революции поразили этих развращенных людей. Несчастья, вызванные действиями умеренных, которые в момент возрождения народа совершают преступление, оскорбляя нацию, - этот роковой опыт должен побудить вас занять непримиримую позицию по отношению к врагам республики.

Не думайте, граждане, что эти печальные обстоятельства были делом одного дня. Подлые наемники, посланные против нас коалицией королей, не хлынули на Францию, подобно бурному потоку. План контрреволюции не мог бы быть выполнен с таким коварством и хитростью, если бы этот адский заговор не был давно подготовлен под сенью тайны. Ввиду этого необходимо добраться до источника интриг, до первых времен революции и уничтожить предателей, погрузивших нас в бездну пороков и несчастий и купивших безнаказанность своих преступлений ценой других преступлений.

В тот момент, когда множество пушек разрушало наши очаги, когда наемники двора окружали штыками святилище нарождающихся законов, когда Париж был осужден на печальную судьбу погибнуть от голода и от меча разбойников, - сколько негодяев, составляющих три сословия, были достойны смертной казни? О

времена, о нравы! Кто бы мог подумать, что партия заговорщиков, готовых вонзить кинжал в грудь своей матери, спокойно продолжала в наших стенах свой преступный путь и что только один второстепенный агент брата деспота с позором был разлучен с жизнью? Кто может поверить тому, что из двух тысяч представителей, предавших в трех законодательных собраниях дело народа, ни один еще не искупил своей подлости и вероломства на эшафоте? Кто может поверить, что из этой толпы депутатов, отвергнувших одну конституцию ради другой, обрекших Францию на волнения и бедствия, ни один до взятия Тюильри не пал под ударом меча закона.

Поэтому свобода в руках тех, кто притворился ее защитниками, не замедлила погибнуть. Могла ли она победить, когда король, исполнительный совет, министры, посланники и генералы подавали одни другим примеры нарушения клятв и свершения всевозможных преступлений? Могла ли она победить, если на самые важные должности назначали лишь защитников тирании, которые приносили с собой лишь позор, с которым они домогались этих должностей и титулов, маскировавших их преступления; могла ли она победить, если во главе правительства ставили лишь активных граждан, т.е. убийц, которые под знаменем кровожадной супружеской пары клялись растратить государственную казну, предать наших солдат в руки противника и заразить департаменты предрассудками, внедренными в их души суевериями и надменностью? Могла ли она победить, если подлая шайка заменяла изменников изменниками, заговорщиков заговорщиками и контрреволюционеров контрреволюционерами?

Неужели вы будете колебаться казнить этих негодяев, нарушивших закон, конституцию, свободу всех народов? Они находятся в нашем доме, эти кровавые разбойники, объявившие войну прежде, чем создали положение, при котором мы могли бы ее не бояться; они рядом с нами, эти люди, отдававшие приказы об ужасающих бойнях, опорочивших Конта-Венесен и наши левантские острова. Я слышу их, я вижу вандейских палачей, убийц из южных департаментов, подлых рабов, которые хотят отдать нас во власть императору и вассалов тиранов, оплачивающих их. История не может допустить стольких преступлений. Однако предатели до сих пор живы... Они живы, они среди вас создают заговоры... Вы говорите, что вы республиканцы... О! Вашим равнодушием, этим самоубийственным терпением вы заслужили обрушившиеся на вас бедствия. Вы заслужили носить ваши старые цепи и заслужили быть вычеркнутыми из книги возрожденных народов; вы заслужили проклятия всех народов, рабство которых вы продлеваете, нарушая данную вами клятву жить свободными или умереть. Не значит ли это нарушить ее, если вы спокойно сидите на месте, в то время как ваши враги ни одной минуты не знают покоя? Не значит ли это нарушить ее, если вы позволяете налагать на себя цепи закона, продиктованного золотом цивильного листа? Не значит ли это нарушить ее, если вы, не защищаясь, позволяете вонзить вам в грудь кинжал?

Видя вашу трусость и угрожающие вам опасности, я но удивляюсь дерзости, с которой вероломные депутаты поднимают головы и куют вам цепи... Я не удивляюсь тому, что в законодательном собрании один кровожадный депутат***** заявил, что настанет день, когда изумленный путешественник спросит, на каком берегу Сены был расположен Париж, город, который является центром человеческого знания, стражем общественного мнения, колыбелью свободы и вершиной республики. Я более не удивляюсь тому, что пламя гражданской войны пожирает двести лье нашей территории, что от ледяных берегов Невы до скал Гибралтара тираны бросились на Францию с быстротой молнии: всякий раз, когда меч правосудия не настигает головы крупных преступников, всякий раз, когда безнаказанность придает прославленным разбойникам и главам заговоров смелость, революция отступает и свобода уничтожается.

Но между уничтожением врага и гибелью под его ударами не может быть середины. Если вы в этом сомневаетесь, я приведу вам на память жестокости, совершенные умеренными с начала революции, напомним вам кровавые дни Неервиндена, захват лагеря Фамар*****, кровь, которая только что была пролита в Лионе, Марселе и западных департаментах. Надавите на землю - она покроется трупами, поглядите на равнины Жемаппа - они удобрены лишь кровью убитых. Я расскажу вам еще о заговоре новой инквизиции*****, родившейся на развалинах монархии и собиравшейся предать палачам неподкупных должностных лиц, и об истинных защитниках равенства.

Но набатный колокол прозвучал, пушечный выстрел подал сигнал к тревоге, 10 августа улицы Парижа оцетинились пиками; замысел врагов был расстроен, народ понял необходимость сопротивляться угнетению и устранить из святилища законов изменников, задерживавших победный марш свободы, негодяев, идущих по торным путям, которые приводят к преступлению, не доводя до эшафота. Граждане, вы должны вооружиться мужеством, которое уже два раза спасало дело народа... Вы должны предать суду врагов отечества... Я покажу вам их и пригвозжу к позорному столбу общественного мнения...

Я изобличаю этих лицемеров, которым уравнение общества представляется пропастью; этих спекулянтов патриотизмом, которые были рождены для ничтожества и забвения, но которые после неожиданного возвышения до ареопага возвели себя в государственные деятели; этих возмутителей, заключивших союз с иностранными державами, чтобы восстановить аристократию во всех ее правах, и говоривших о народе только для того, чтобы выразить свое к нему презрение, оскорблять его защитников и клеветать на доблестное мужество республиканских обществ.

Я изобличаю министров, доверивших преступным рукам спасение государства; искавших в притонах и публичных домах генералов, заслуги которых заключались в коварстве, подлости и вероломстве; спекулировавших на избиениях, деспотизме и мстительности и способствовавших свободному вывозу съестных припасов, людей, оружия и звонкой монеты; полные бешеной злобы на революцию, раз навсегда уничтожившую их титулы, они воздали [...] почести, какие воздавали королю.

Я изобличаю гражданских и военных должностных лиц, которые обошли законы или пренебрегли ими, которые сдавали врагу крепости и области, где свобода установила свои храмы; которые убили героев 14 июля, 10 августа, Вальми и Жемаппа и которые в довершение варварства оставляют без вспомоществования несчастных отцов, вынужденных, чтобы пасти свое стадо, больными, усталыми ногами избираться на крутые горы и, падая от слабости, спускаться в глубокие долины.

Я изобличаю неистовствующих ханжей, которые вместо того, чтобы сносить непрестанно возрождающиеся головы аристократии и фанатизма, самым глупым образом распространяют свои дурацкие суждения, этих шарлатанов ультрамонтанов, восхваляющих до небес цепи, обременяющие людей на земле; этих кровожадных атеистов, которые своим варварским лицемерием с помощью религии делают жестокими людей добрых и справедливых от природы.

Я изобличаю эгоистов, банкиров, скупщиков, а также аристократов, убийственных тиранов и хищнические руки которых привели республику к агонии, вампиров, являющихся причиной бедствий и разорения республики, этих тигров, носящих национальную кокарду только для того, чтобы беспрепятственно проникать в наши очаги и с легкостью нас задушить.

Я изобличаю умеренных, которые, разговаривая о мире и справедливости, защищают убийц нации, побуждают народ к мятежу и раздирают вам душу разговорами о жалости, чтобы повернуть ваше оружие против невинных: я изобличаю этих подозрительных граждан, которые в последнее время, несмотря на свою трусость, стали более надменными, более наглыми, более нетерпимыми и задерживают продвижение свободы, чтобы выиграть время для ее уничтожения и в свое удовольствие купаться в крови народа.

Я изобличаю, наконец, писак, находившихся на жаловании по цивильному листу, этих отвратительных людей, давших отпущение грехов изменникам, трусливым рабов, желавших спасти тирана, одним словом всех тех, кто протестовал против суверенности народа, кто получал задания от контрреволюционных дворов, кто разжирел на общественных несчастьях, кто губил граждан, ссылаясь на законы военного времени, и кто не дал нам идти большими шагами к осуществлению идеи равенства.

Вот головы виновников, которых закон должен уничтожить. Священна только добродетель. Человек перестает быть неприкосновенным, когда он продает свою совесть и пренебрегает своими обязанностями. Поэтому спасение республики возлагает на вас почетную задачу разоблачать перед судами клятвопреступных депутатов и заговорщиков. Я прибавлю, что осторожность должна побудить вас разоружить и арестовать подозрительных граждан.

Нельзя скрывать от себя, что во всех департаментах имеется громадное число контрреволюционеров, тайных посланцев деспотов и людей весьма сомнительной репутации. Нельзя скрывать от себя, что враги свободы направляют свои усилия главным образом против Парижа. Со всех сторон мы видим только интриганов, сеющих смуту, тревогу и уныние. В театре они аплодируют идеям монархизма. В общественных местах они проповедают презрение к законам, в народных обществах оказывают развращающее влияние на общественное мнение; в секциях вводят в заблуждение граждан. Если вы разоблачаете негодяев и лицемеров и требуете голов заговорщиков, вас называют кровожадным. Если вы сопротивляетесь угнетению, жаждете победы гуманности и справедливости и уничтожения аристократии всякого рода, вас сочтут агитатором и нарушителем порядка. Если вы распространяете священный огонь свободы, заставляя сверкать ярким блеском добродетель республиканца, вас клеймят именем поджигателя!

Не думайте, что те люди, которые объявляют войну, когда-либо придут на помощь общественному делу. Станут ли они защищать идею народного представительства? Они не перестают опорочивать ее. Станут ли они на защиту оскорбленной свободы? Они рабы королей. Прольют ли свою кровь за отечество? Они поклялись погубить его. Поэтому оружие, которое находится в их руках, является подлинным кинжалом в спину нам, они не граждане больше, а янычары, не солдаты, а убийцы. Каких только злоупотреблений не совершат своим оружием в борьбе против свободы люди, которые с момента рождения носят ливрею рабства, приспособлены и привыкли к ярму невольников и до могилы сохраняют раблепную позу! Какими только ударами не пронзят грудь своей матери те, кто живет только привилегиями, вымогательствами и взяточничеством; те, кто покупал право губить невинных на эшафоте и от отца к сыну создавал свои богатства из крови народа! Каким только припадкам ярости не подвергнутся фанатики, потерявшие вследствие невежества и разврата всякое чувство собственного достоинства, когда им нельзя будет прогуливать в роскошных каретах свое священное ничтожество и продавать умирающим бога в виде причастия!

Однако именно этого рода люди составляют часть армии, которая повседневно дает им возможность разделять ее славу, защищая самые важные пункты страны. Они оказывают денежную помощь эмигрантам, а вы доверяете им охрану народной казны. Они переправляют оружие вашим врагам, а вы поручаете им наблюдение за вашей артиллерией. Они пытаются поджигать ваши пороховые склады, а вы их ставите часовыми у арсеналов. Они мечтают о похищении семьи Капета, а вы доверяете им посты у башни Тампля. Они участвуют во всевозможных заговорах, а вы посылаете их охранять тюрьмы, монетный двор, канцелярии трибуналов, дворянские грамоты и драгоценности, хранящиеся в архивах нации.

О, легковверный народ, доколе будешь ты вверять твои судьбы, защиту твоих очагов и свободы наемникам деспотизма, темным личностям, людям с головы до ног покрытым язвами аристократизма, с зараженным умом и сердцем? Доколе позволишь твоим естественным врагам предавать тебя, надевать на тебя цепи и убивать? Негодяи! Под покровом коварной умеренности они проливали кровь на Марсовом поле, у Шапель, на площади Карусели и ждут лишь сигнала к резне, чтобы уничтожить граждан, разбивших скипетр королей и жаждущих республики единой и неделимой.

Крики заговорщиков уже проникают через наши стены. Мятежники, которым аплодирует партия [...], оплачивающая их, нагло поднимают голову. Разбойники, сила которых заключается в интригах, вынимают из ножен сверкающий меч мщения; еще несколько дней и я, может быть, уже не буду проповедовать вам евангелие свободы. Неужели вы не решитесь произвести обыски в домах и вырвать из рук врага оружие, направленное против отечества? Во имя спасения республики заявляю вам: малейшее промедление является преступлением против народа. Изменники никогда не обращаются в другую веру. Те, кто жил за счет пороков и разврата двора, те, кто заставлял томиться и умирать медленной смертью в мрачной тюремной камере философов, проповедовавших терпимость и человечность, те, кто в золоченых чашах пил кровь народа, те, кто проливал слезы над могилой последнего короля французов, те, кто принимал участие в тайных сборищах генералов, переправившихся через Рейн, наконец, все те, кто является эхом шайки, обрушивающей оскорбления и клевету на друзей свободы, - все эти люди, говорю я вам, поднимут оружие только против отечества. Верх безумия думать, что именитые разбойники, считавшие себя божевами на земле, станут служить революции, делающей их равными с людьми, которых они заставляли ползать перед собой в пыли. Верх безумия думать, что подлецы, которые обязаны своим положением и богатством только случайности рождения и интригам, что эти люди полюбят революцию, предоставляющую посты лишь талантам и добродетели. Переход из тьмы преступлений в яркий день истины невозможен; те, кто подметал передние князей, служил тюремщиком в бастилиях, был шпионом инквизиции, все те, кто жалеет о мантии магистрата, шпаге или кадильнице, те, кто жирел на крови и слезах несчастных, не могут стать настоящими республиканцами. Если они говорят вам ласковые речи, они делают это для того, чтобы легче обмануть вас; на устах у них свобода, а в сердце контрреволюция. Их патриотизм похож на те ночные огни, роковой свет которых приводит путника в пропасть.

Хотите ли вы положить конец изменам, анархии, страху, восстановить финансы, общественное мнение, вернуть душу и жизнь политическому строю? Последуйте примеру римского сената: объявляйте вне закона всякого, кто высказался против дела народа. Враг у ваших ворот. Проникнитесь духом Брута, пусть его мужество увлечет вас. Спасите Капитолий, арестовывайте, заключайте в тюрьмы людей подозрительных, дворян, священников, не присягнувших конституции, банкиров, биржевых маклеров, скупщиков национальных имуществ, бывших привилегированных, иностранцев, известных своей нелояльностью, пособников контрреволюционной шайки, наконец, всех тех, кто за последние четыре года собрал громадные богатства, покупал и продавал деньги, примыкал к бывшему двору, задерживал успехи свободы и видел в республиканском правительстве могилу своих надежд. Отделяя зараженные члены, чтобы спасти тело, убивая змей, вскормленных на вашей груди, вы лишите врага съестных припасов и разорвете кольцо заговоров; эмигранты потеряют тех, кто их поддерживал, немецкие притоны рассеются сами собой, и вы в короткий срок закончите войну, пожирающую земли, торговлю, искусства, население и свободу, которую Англия купила пятьюдесятью годами борьбы, поражений и побед. Эту свободу, только призраком которой владеет Англия, вы получите чистую и совершенную, если лишите изменников и подозрительных лиц возможности вам вредить. Несомненно, что если бы верх взяли враги отечества, то они не удовольствовались бы заключением вас в тюрьму. Ваша кровь залила бы эшафот; они удовлетворили бы свою жажду мщения, распространив ее на ваших жен и детей.

Теперь уже не время спать, молчать или притворяться. Вы должны обезоружить и арестовать этот сброд мятежников, находящихся на содержании подлого сент-джемского двора и поддерживаемых французской аристократией мантии, шпаги и кадильницы, для того чтобы внести беспорядок в снабжение съестными припасами, побудить народ к грабежам и поднять на восстание против выбранных им должностных лиц.

Вы должны арестовывать и разоружать тех, кто мешает набору армий, кто распространяет в войсках панический страх и клеветает на мужество тех, кто борется за свободу.

Вы должны арестовывать и обезоруживать тех, кто с яростью обрушивается против народных обществ, этих интриганов, которые, не имея ни состояния, ни положения в обществе, ведут роскошный образ жизни и посещают притоны разврата.

Вы должны арестовывать и разоружать тех, кто развращает общественное мнение, для кого страдания добродетели составляют жестокую игру, тех, кто спекулировал на колебаниях цен на золото и на слезах несчастных.

Наконец, вы должны разоружать проповедников королевской власти, тех, кто защищает чудовище фанатизма, деспотизма и анархии, тех, кто стремится к роспуску Национального конвента и гибели республики, всех тех, наконец, кто предоставляет своим вассалам добродетель и присваивают себе честь, которая вступает в союз со всеми их пороками. Между изменой отечеству и самопожертвованием ради его славы середины быть не может. Те, кто плавают между двумя водами, те, кто усыпляет нацию, оказавшуюся на краю бездны, те, кто в течение долгого времени был известен только своей скупостью, беспечностью и жестокостью, - такие люди никогда не станут проливать своей крови за дело народа. В момент опасности они, как тигры, спрячутся в подземелья, чтобы стать на сторону победителя, и если стыд или, скорее, страх заставит их пойти под знамена отечества, они будут стрелять по самым преданным его защитникам.

Давайте, не колеблясь, предупредим эти несчастья. Отнимем у окружающих нас врагов возможность совершить это преступление. Подозрительные, вы, которые не опасаетесь эшафота, сложите оружие; в чистых руках наших волонтеров оно станет щитом закона, оплотом свободы, спасением республики. В первый раз убийцы принесут некоторую пользу своему отечеству.

Если бы представители французского народа в первые дни своей славы безжалостно раздавили гидру аристократии богатства, если бы вместо того, чтобы объявить налог па пот ремесленников и слезы несчастных они возложили на богачей все тяготы контрибуций! Если бы они до момента победы свободы прекратили выплату жалований по упраздненным должностям; если бы, наконец, у них хватило мужества извергнуть из своей среды негодяев, облаченных в обноски старого режима, то эмигранты не отправились бы искать под другим небом убежища, в котором могли спокойно готовить свои гнусные заговоры; они не стали бы торговать кровью людей из своего укромного пристанища; не поддерживали бы надменность и суеверия в департаментах: спекуляция не разоряла бы страны равенства; нам не пришлось бы бороться с солдатами, одетыми в ливрею королевской власти и рабства, и тираны не спорили бы между собой из-за лоскутов нашего несчастного отечества.

Неужели вы еще надолго предоставите [...] возможность продолжать их преступления? О, подумайте о том, что почти все богачи по самой своей сущности являются пособниками преступлений и по привычке сообщниками королей: заклятые враги народа, средства к жизни которого они себе присваивают, они не испытывают никаких других чувств, кроме чувств раба; от одного полюса до другого они составляют заговоры, чтобы заковать нации в цепи рабства. Вы смело должны покончить с этими свирепыми людьми, которые из поколения в поколение попирали законы природы, присваивая себе кровь сограждан; вы заставите их вернуть сокровища, которые они могли приобрести лишь ценой опасности тысячу раз погибнуть на эшафоте; вы вырвете у них из рук это роковое золото, которое управляет людьми, развращая их, и которое насыпает грозы войны на свободную землю.

Эти революционные меры по отношению к общественным пиявкам особенно важны потому, что богачи не покинут своих очагов даже если увидят проникших в страну австрийцев, если они возьмутся за оружие, только для того, чтобы защитить жизнь и собственность угнетателей. Если в этот критический момент они и возлагают небольшие жертвования на алтарь отечества, то это делается по необходимости: им нужно надеть на себя маску лицемерия, чтобы лучше обмануть народ, задушить его и заковать в цепи. Поэтому политические и настоятельно приказывают отнять у изменников мощное оружие, которое богатство вложило им в руки, чтобы погубить свободу. И только заставив их вносить большие налоги, можно извлечь из них некоторую пользу для общественного дела: ибо мы должны быть последовательными.

Неужели вы [...] будете столь далеки от понимания политических обстоятельств, что заставите богачей присоединиться к вашим республиканским фалангам? Что вы будете делать с изнеженными войсками, состоящими из эгоистов, изменников и клятвопреступников? Какую помощь окажет вам купец, пригвожденный к своей конторке, банкир, который борется только с помощью пера, умеренный, протягивающий руку только сладострастью? Какое доверие может внушить дворянин, вздыхающий об орденской ленте, законник, которому незачем больше разбираться в грудах ненужной бумаги, священник, тоскующий по кадилнице? Неужто не будет верхом безумия помещать тигров вместе с ягнятами и включать друзей королей в легионы свободных людей? Богачи вносят смуту в общественные собрания, какие же опустошения произведут они в наших батальонах? Звук трубы, призывающей к сбору, их пугает, как же могут они идти вперед под огнем пушек и навстречу штыкам? Они подписывают противогражданские петиции, как могут они бороться за победу свободы? О! если самым славным из всех званий является звание защитника отечества, не следует приобщать к славе борьбы под знаменами народа лицемеров и убийц, тех, кто боится своей тени и верит в привидения, одним словом, всю грязную клику людоедов.

Обратимся здесь к опыту. Кто способствовал поражению и дезорганизации наших войск, кто провалил голландскую и бельгийскую экспедиции? Кто помешал Савойе, Ирландии и Пруссии поклоняться нарождающемуся солнцу свободы? Богач. Кто лишил наши крепости и морские порты снабжения, кто послал миллионы свирепых разбойников к нашим берегам, кто предал несчастные народы в руки их неумолимых тиранов? Богач. Это он воспрепятствовал вулканическому извержению идей равенства и это он не перестает распространять ложь и клевету. Это благодаря ему Австрия захватила наши боеприпасы, наш провиант и ведет войну за наш счет. Наконец, лишь в классе богачей вы найдете возмутителей, анархистов, убийц народа и пособников контрреволюции. Богач всегда нас предавал и всегда будет предавать: на войне он поведет ваши войска на бойню, в столице будет продавать народные права, в храме законов принесет в жертву невинность. Одним словом, нет таких преступлений, на какие его не толкнула бы жажда золота и богатств; республиканцы, на вас лежит обязанность справедливого отмщения за все бедствия, какие богач навлек на отечество. Богатство заклепало цепи народов - пусть богатство послужит тому, чтобы эти цепи порвать.

Богачи, благодаря монополии вы стали орудием голода и горя, вы отняли у несчастных, припадающих к вашим коленям, все, вплоть до плодов земли, орошенной их потом; вы не напрасно поддерживали эмигрантов, расхищали съестные припасы и звонкую монету, были банкирами и агентами контрреволюции; ваши громадные богатства, которыми вы обязаны лишь мечу власти, растратам общественных долгов и бесчисленным кражам, будут распределены между воинами, которые до сегодняшнего дня с главой, покрытой почетными ранами, со сломанными руками с трудом обмакивали кусок грубого хлеба в поток слез. Они послужат поддержкой матерей, которые отдали свободу своих детей и в награду за свою добродетель доведены до унижительной необходимости просить о вспомоществовании; они послужат для вознаграждения храбрых волонтеров, уничтожающих разбойников, рассеянных по берегам Луары, волонтеров, которых ваши спекуляции доводят до смерти и отчаяния***** . Справедливо ли, что вы вашей наглой роскошью наносите оскорбление общественной нищете, что из ваших дворцов льется кровь народа, в то время как у отечества совершенно нет оружия, съестных припасов и солдат, в то время как защитники равенства, едва прикрытые лохмотьями, вынуждены грызть землю? Справедливо ли, что вы живете в золоченных стенах, что вы наслаждаетесь радостями изнеженной и праздной жизни, в то время как нам подобные нуждаются во всем и спят на голой земле?

О! Если вы не перестанете приводить в отчаяние своей алчностью и предательствами несчастные семьи, если самая чистая кровь нации прольется оружием разбойников, подкупленного нечистым золотом в варварских странах, если вы вашими щедротами поможете чудовищам, запятнавшим землю равенства и отправившимся на свидание надменности и преступления, то знайте, что час суда настал. Ваше золото вернется к своему истинному источнику. Деньги, истраченные вами на поддержку опасных брожений, на ниспровержение здания республиканских законов; ресурсы красной книги, гражданского листа и спекуляции будут внесены во всеобщую благотворительную кассу: они послужат тому, чтобы затушить факелы восстания и воздвигнуть величественный храм законов*****; отечество снова будет отомщено за заговоры предателей; богачам останется только позор заговоров против отечества.

Комментарии Вальтера Маркова

* Следующие полстраницы, содержание которых повторено на стр.5, перечеркнуты, но их можно прочесть:

Не думайте, граждане, что я намереваюсь здесь унижить национальное представительство. Я знаю, что депутаты, избранные свободно и на время, являются оплотом свободы, и я раздавал гражданские венки депутатам, проникнутым чувством человеческого достоинства, которые, будучи окружены направленными против них кинжалами, стойко защищали священные права людей. Однако не будет неправдой сказать, что до настоящего времени добродетель неподкупных людей терялась в толпе предателей, как маленький ручей теряется в громадном потоке.

Но чтобы воздать честь тяжелому труду и добродетели тех, кто поднялся на высоту своих обязанностей, приходится сказать, что большинство тех, кому были поручены наши судьбы, вместо того, чтобы сделать нас свободными, рыли нам могилу рабства.

Проследим деятельность Учредительного собрания, убийственные для свободы декреты которого обрекают республику на голод и агонию, - сколько роковых страстей разыгралось у колыбели свободы и в самом святилище законов. Если исключить момент, когда представители нации, близкие к смерти от руки наемников бывшего короля, обменялись лобзанием мира [...]

** Первоначально: свободу.

*** В тексте указание на стр. 4 об.: У свободных народов древности самоубийство заменяло ужасающее молчание законов. Римский сенат принес в жертву своего первого короля, жизнь сыновей самого Брута была позорно прервана.

**** Мария Антуанетта.

***** Вероятно, имя короля намеренно было написано с маленькой буквы, либо Л*. Ру всегда писал его с маленькой буквы, в то время как другие имена он писал то с большой, то с маленькой.

***** Лафайет.

***** *Поглядите на дымящиеся трупы, покрывающие долины древней Бретани, и на грозные приготовления иностранных войск, нападающих со всех сторон на республику и приносящих на наши берега смерть и опустошение. Поглядите на ярость священников и на бешеную злобу дворян, извергающих внутри страны армии разбойников, которые подают сигнал: к преступлениям, грабежам и убийствам и оставляют за собой лишь голод, рабство и смерть.*

Одним словом, это невежество побудило народы взяться за оружие, чтобы защищать суеверия, надменность и низкопоклонство.

***** Лепелетье.

***** *Следует ли поэтому забывать о том, что вы люди? Следует ли обманывать доверие одних, быть несправедливым и вести себя как ростовщик по отношению к другим, применять все средства угнетения, подсказываемые скупостью, подлостью и пристрастным духом, чтобы побуждать народ к мятежу и голодом и пыткой нужды заставить его пожирать собственные внутренности? Вам неизвестно, в какую сторону повернутся дела? Весьма вероятно, что друзья равенства не станут вечно терпеть, чтобы их приказывали убивать за пределами страны и терзали голодом в ее пределах; весьма вероятно, что они не всегда будут обманутыми этой общественной заразой, шарлатанами, которые точат нас, как черви, грабителями, лавки которых не что иное, как притон мошенников. Но можете ли вы ограничиваться словами, когда тот, кто стал бы пытаться восстановить королевскую власть, подлежит смертной казни; когда бесчисленные легионы граждан-солдат образуют своим оружием стальной свод, когда они со всех сторон извергают огонь на рабские и варварские орды.*

Можете ли вы утверждать, что не знаете, как повернутся дела? О! Вы не знали бы этой пугающей неизвестности, двуличные люди, если бы не предпочитали ливерю рабства триумфу свободы, если бы в глубине души не были за контрреволюцию, если бы не поддерживали сношения с эмигрантами, иностранными властями и заговорщиками. Что я говорю: ваша бесчеловечность явно свидетельствует о ваших преступных заговорах... В то время как неприятель громит наши армии, вы, грабители, медленным ядом спекуляции убиваете граждан, защищающих свои очаги. Впрочем, если вы не знаете, как повернутся дела, я вам это скажу...

***** *Отсюда душа, пожираемая жаждой мести, яростью и злобой при виде опасностей, угрожающих общественному делу, отсюда отвага в преследовании огнем и мечом чудовищ, использующих небо, чтобы затопить (?), заковать в цепи и залить кровью землю, отсюда бесчисленные жертвы, приносимые во имя любви к долгу. Свое богатство он делит с нуждающимся; его дело служит оплотом для тех, кто борется за свободу; таким образом, он сходит в могилу с сознанием своих заслуг перед отечеством. Вы же, спекулянты, грабители, богатые слезами несчастных, бесстыдные злодеи, тигры, а не люди, вы будете прокляты во веки веков. Вы топтали ногами священные права гражданина; вы вступили в союз с подлыми существами, трусами, обремененными долгами, покрытыми позором, убийцами нации, сильными преступлениями королей, чтобы увековечить оковы народа, гостеприимного, честного; и то, что вы вырыли пропасть, которая должна была поглотить свободу, не останется безнаказанным: вы уже живете обесщеченными и вскоре вы умрете под пыткой, которой наказывают изменников.*

***** Инар

***** Фамар, 23.5.1793.

***** Жирондистская комиссия двенадцати в Конвенте.

***** *Кто проповедовал Крестовый поход против Парижа, кто надел на этот гостеприимный город маску свирепости и кто объявляет преступлением добродетели, заставляющие его краснеть? Богач.*

***** Они пойдут на содержание армии республиканцев, готовых уничтожить умеренных, роялистов и мятежников, которые раздают награды за преступления возводят эшафоты для добродетели; ваше богатство - свидетельство ваших злодеяний, ответит вам за события войны, которую вы вызвали; оно ответит за все погубленные вами жизни, жертвы, которые заслужили бы уважение королей в последние дни их варварского могущества. Таким образом, отечество будет отомщено; богачам останется лишь позор заговоров против его счастья; и мы за их счет будем иметь оружие, людей и свободу.

Вальтер МАРКОВ

РУКОПИСЬ ЖАКА РУ

«РЕЧЬ О ПРИЧИНАХ НЕСЧАСТИЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ»

Французский ежегодник, 1962.

М.: Наука. 1963.

Речь о причинах несчастий Французской республики не является произведением совершенно неизвестным. С тех пор как Бернар Лазар, подбиравший для «Социалистической истории» Жана Жореса материал по эпохе революции, обнаружил рукопись в Парижском национальном архиве среди бумаг революционного трибунала (W.20, d.1073. Pieces manuscrites trouvees chez le citoyen Jacques Roux) она иногда упоминалась в литературе. Жорес сам привел из нее без указания архивного шифра и несколько неточно (как это ему было свойственно) дюжины две строк, по поводу которых он высказался в очень общей форме. Матьез, полностью ознакомившийся с материалом и опубликовавший в «La vie chore et le mouvement social sous la terreur» другую рукопись, оставшуюся после Жака Ру, а именно письмо к сыну Пети от 23.8.1793 г.² не упоминает о «Речи». Поскольку и Д.Герцен, и М.Домманже опираются исключительно на опубликованные источники, обработка этого документа, кроме данных, приведенных в «Робеспьеристах и сторонниках Жака Ру»³, и сноски в книге Альбера Собуля⁴ сводятся к ценному труду Я.М.Захера⁵. Если мы учтем, насколько скудны непосредственные материалы по истории и идеологии бешеных, то нас не может не удивить недостаточное внимание, уделенное «Речи» Жака Ру, тем более, что она является единственным известным нам неопубликованным документом программного характера⁶. Традиционную буржуазную историографию, которая не хотела, да и не могла заниматься плебейской левой, естественно, это не беспокоило. Между тем для всякого, кто интересовался сжатой формулой, в которую молодой Маркс в «Святом семействе»⁷ включил первых революционных пионеров коммунистической идеи, возможность ознакомиться с духовной мастерской «красного священника», казалось бы, никак не могла быть упущена. Или, может быть, Жак Ру, который действительно был склонен к повторениям, настолько часто повторял других или самого себя, что из «Речи» нельзя извлечь ничего существенного?

Первым препятствием к ознакомлению с рукописью служит уже упомянутое Я.М.Захером плохое ее состояние. Хотя 21 лист рукописи не слишком поврежден или загрязнен и чернила выцвели лишь в тонких линиях, чтение затруднено многочисленными, не всегда правильно сделанными изменениями, вычеркнутыми местами, последующими вставками и вариантами. Ру писал быстро и многословно и при этом - или именно поэтому - весьма небрежно. Этим обуславливаются и многочисленные погрешности против орфографии и пунктуации. Однако фонетическая картина совпадает почти всегда, что выдает опытного проповедника, но отнюдь не профессионального писателя⁸.

В те времена наборщики привыкли к трудным рукописям⁹: авторы предоставляли многое их опытным рукам и разумению. Все же нельзя полагать, что Жак Ру считал своп труд, хотя бы с чисто внешней стороны, готовым к печати. Во всяком случае, обстоятельства говорят за это. Во-первых, сравнение с весьма чисто написанной несколько дней спустя (25 июня) «Петицией» показывает, что автор, очевидно, переписывал ее с черновика¹⁰ («Речь» не имела черновика). Во-вторых, когда Ру пишет на обратной стороне листа, то в начале рукописи указывает: *tournez la feuille* (стр.4, 10, 11), в то время как при написании последних листов, когда он почувствовал необходимость в переработке, он такого указания не делает¹¹.

Если мы будем рассматривать рукопись как черновик, то увидим, что она не отличается по стилю от других статей Жака Ру, напечатанных в 1792 и 1793 годах¹². Поэтому в этом отношении она не нуждается в особых примечаниях. Зато мы узнаем из нее две вещи, какие нельзя обнаружить в его печатных произведениях. Обе они не лишены значения для характеристики Жака Ру, о личности которого мы имеем лишь крайне скудные сведения.

Бросается в глаза, что поправки нагромождаются в начале и в конце изложения новой мысли. Иногда перерабатывались целые абзацы. Но если только автору удавалось найти правильное начало, перо его быстро и без задержки скользило по бумаге. Ему как-то трудно было найти надлежащий исходный пункт и сделать заключительные выводы, и эти отвлеченные выводы стоили ему большого труда. Промежуточные рассуждения идут в значительной мере за счет риторики. Поэтому при анализе рукописи часто приходится обращать внимание на технически более сложные части, чем на привычные в ту эпоху филиппики, к которым он особенно часто прибегает.

Внесенные автором поправки могут быть поэтому распределены в общем по двум рубрикам. Наибольшее число поправок, внесенных в рукопись, относится к ее форме: мысль должна быть выражена более ярко, должна звучать красивее или лучше, подбор слов более разнообразен, повторения и пересечения должны быть устранены. Вводятся соображения, пришедшие в голову во время писания или сейчас вслед за ним. Все это мало отражается на содержании. Это скорее отвечает мелким человеческим слабостям «красного священника», не свободного от склонности к декламации и позе, тем более, что у него, по его собственному признанию, темперамент часто брал верх. Наряду с этими поправками встречаются, чаще всего в вводных и заключительных (но всегда обозначенных) частях глав, поправки другого характера. В них Жак Ру смягчает упреки Национальному собранию (один раз даже по адресу народных масс), которые в первой редакции могли показаться слишком резкими, общими или преувеличенными; он колеблется, когда поднимается до «высот» теологии (стр.12) и когда он - единственный раз - говорит о «святой горе» как о «сборном пункте санкюлотов». В этом случае, сознающий все значение своих утверждений политик, чтобы не сказать тактик, колеблется в формулировке. Естественно, что мы не можем различить в какой степени здесь играли роль внутренние сомнения, потребность в точности и справедливом суждении или обусловленная обстоятельствами обдуманная осторожность народного вождя по отношению к господствующим гражданским властям. Для нас в этой связи важно, что даже такой, казалось бы, «нейтральный» вопрос, как внешний вид рукописи, не может не быть принят во внимание.

«Речь» построена по строгому плану, которого автор, в основном, придерживался. После введения идет первая часть, посвященная рассмотрению тяжелого положения Франции, а затем вторая, в которой указаны средства и меры к его устранению. Вторая часть составляет единое целое¹³, в то время как первая распадается на два, а фактически даже на три раздела.

Введение дает описание критического положения, в каком оказалась республика после поражения в Бельгии и контрреволюционного мятежа в Вандее, вызванного изменническими происками жирондистов. Жак Ру призывает народ подняться «в последний раз» (после «необходимых революций» 14 июля 1789 и 10 августа 1792 гг.): тогда все удары против свободы и равенства обрушатся па головы врагов и неизбежно будут способствовать благоприятной перемене обстановки во Франции.

Однако это не может быть предоставлено ходу событию, индивидуальному почину: свободный парод должен объединиться вокруг Конвента и в братском единении победить или умереть. Жак Ру снова клянется защищать дело народа до конца своей жизни и указать ему правильный путь, вскрыв причины, которые привели к вырождению революции и уничтожению ее результатов.

В первой части автор излагает одно за другим основные бедствия нынешнего положения: безнаказанность преступлений против интересов нации, отсутствие общественного мнения и спекуляция. Он начинает с полемики, относящейся и ко времени Учредительного собрания, нападает на законодательство, политику и поведение трех Национальных собраний (он делает исключение, хотя без особенной теплоты и немного сверху вниз, для стойкого меньшинства Горы), на министров, генералов, спекулянтов и естественно, на двор и его креатуры. Он говорит о тяжелых поражениях и упущениях, о мошенниках, наживающихся на всеобщей нужде, об интригах и тайных планах жирондистов, приведших к бессмысленной войне, которая, раз она начата, все же должна быть доведена до конца. Он напоминает о преследовании подлинных патриотов и друзей народа. Особенно настаивает он на том, что даже падение монархии, к сожалению, не привело к решающим изменениям. Конечно, созыв Конвента означает собой важный успех, король понес заслуженное наказание, но измена государству и отечеству, преступления против народа все еще остаются безнаказанными.

Если в первом разделе в целом еще соблюдается хронологический порядок, то второй представляет собой скорее доклад о церкви и революции. Жак Ру строго судит духовенство и выступает против суеверия и древнего союза трона и алтаря, который вновь обнаружил себя в совместной борьбе против революции. Он противопоставляет затемнению народного сознания духовенством программу всеобщего и равного, патриотического, демократического и республиканского национального образования, основанного на естественном праве и ставящего своей целью просветить общественное мнение, дать санкюлотам возможность не только противостоять опеке и развращению, но и руководить вплоть до самых высоких государственных инстанций своими делами.

Наконец, Жак Ру приходит к своему главному пункту¹⁴ - раковая опухоль спекуляции и ростовщичества грозит самому существованию трудящегося класса общества, отдавая бедняков на гнев и милость богачам. Он опровергает один за другим доводы, приводимые для их оправдания. Нет, не революция повинна в расстройстве хозяйства и финансов и, тем самым, в безработице, нищете и голоде! Неповинны и ассигнаты, и война, обусловившая инфляцию и вздорожание жизни. Мощь и кредит Англии опирается на ее бумажные деньги, а Франция при Бурбонах пережила значительно более длительные войны, не имевшие подобных последствий. Напротив того, война ведет к оживлению всеобщей деятельности. Нет, это широко задуманный обман парода, для которого объединились подкупленные депутаты и спекулянты. Под прикрытием революции они наживаются на войне и революции, «патриотически» наполняя свои карманы за счет народа, принявшего на себя все лишения. Может быть, неуверенность в дальнейшем развитии событий задерживает нормальную экономическую деятельность и естественное удовлетворение жизненных потребностей, ибо никто не знает, чем все кончится, куда приведет дорога? Но и на это имеется успокоительный, а для кровопийц народа устрашающий ответ: терпение народа истощится и он сумеет вынести свой приговор.

Во втором разделе Жак Ру предлагает решительные меры: судебное преследование всех, кто, начиная с 1789 г., оставял народ на произвол судьбы; разоружение и арест всех подозрительных: обложение богачей военными налогами: всеобщее вооружение народа для охраны границ.

Время не терпит, ибо враг находится в самом сердце Франции: на Западе, а недавно и на Юге вспыхнуло пламя гражданской войны. Правда, уже положено хорошее начало: народ Парижа выступил и очистил Конвент от предателей: однако он должен последовательно продолжать свое дело против политиканов и организаторов контрреволюционных клик, министров, офицеров и чиновников, против фанатических и лицемерных духовных лиц, банкиров, ростовщиков, «умеренных» и против подкупленных писак. Все они подлежат наказанию по всей строгости законов.

Никто не должен верить тому, что враги могут во имя общественного блага оказаться полезными; изменники никогда не исправляются. Тот, кто воображал себя земным божеством, никогда не полюбит революции, сделавшей равным ему червя, который должен был бы пресмыкаться перед ним в пыли. Поэтому нельзя заключать с врагами соглашений, нельзя оставлять их на ответственных постах или помогать их выдвижению: это значило бы отдавать судьбы революции в руки контрреволюционеров. Также мало можно полагаться на политических и духовных эмигрантов, наемных убийц, заговорщиков, примирителей и усыпителей общественного мнения. Революция не знает средних путей.

Непонимание всего этого привело к громадным бедствиям, но еще не поздно понять, что именно богачи по убеждению совершают преступления и по привычке становятся сообщниками королей. Они только ждут австрийцев. И им вы хотите позволить проникнуть в ряды народа, чтобы изнутри взорвать ваши фаланги? Богач всегда предавал народ и всегда будет его предавать: он должен это искупить. Его состояние должно быть отдано пострадавшим от войны вдовам и сиротам волонтеров: его золото должно вернуться к источнику, из которого оно вышло. С его помощью должна быть основана всеобщая благотворительная касса и оно должно служить борьбе против мятежей и спасению республики. А богачу ничего не должно быть оставлено, кроме сознания стыда за заговоры против отечества.

Всякая попытка сопоставить эти тезисы с общим ходом революции вообще и позицией бешеных, в частности, и дать ей соответствующую оценку требует, прежде всего, установления времени написания рукописи, ибо направление удара, естественно, меняется в зависимости от того, написана ли «Речь» во время господства Жиронды, в первой половине июня, или же после столкновения Жака Ру с Конвентом и якобинцами. Поскольку рукопись не датирована и достоверных указаний о времени ее написания не имеется, приходится определять его по косвенным данным.

Жорес и Собуль в своих кратких упоминаниях (всего лишь в одной фразе) точно не определяют дату написания «Речи». Зато Я.М.Захер считает, что «Речь» была написана в период с середины до конца июня, и доказывает это тем, что в тексте перечислены события, имевшие место в начале и в середине месяца: восстания в Лионе, Марселе, Кальвадосе и других местах¹⁵. Но разве, исходя из этих данных, невозможна более точная датировка?

Установим самое важное: рукопись была написана не в один прием, а в течение некоторого длительного времени. Правда, разница в почерке не может еще служить доказательством этого: Жаку Ру достаточно было сменить перо или же просто наново его очинить. Но очень маловероятно, чтобы он, не отрываясь, сидел за таким большим сочинением: в этом случае новые абзацы вряд ли производили бы впечатление такой свежести. Хотя нам и известно, что Ру работал быстро¹⁶, две дюжины мелко исписанных страниц не могли быть написаны, в течение одного дня и одной ночи. Наоборот, ничто не мешает нам предположить, что автор работал за своим столом три или четыре дня подряд.

Это заметно, в первую очередь, из самого текста. После перерыва в несколько месяцев¹⁷ Жак Ру снова решил написать трактат, ибо с конца года возникла ситуация, требовавшая новых лозунгов. В мае дело дошло даже до острого кризиса. В это время жирондисты оставались еще у власти. Именно эту власть Ру атакует, начиная свою «Речь». Его вступление - прямой призыв к массам, набатный колокол, призывающий народ Парижа к третьему восстанию. Он требует политического выступления, спасения республиканской свободы от умеренных, он еще не провозглашает социальной программы, направленной против богатства, которую он собирается изложить только в последней части, и предпосылкой к которой должна служить победа над Жирондой. Более того: чтобы уничтожить заговор жирондистов, он призывает к союзу, к единству действий с Горой, отодвигая на второй план «личные страсти», призывая спасти «святилище законов», т.е. очистить Конвент.

Отсюда можно, основываясь на политической ситуации, датировать вступление между 26 и 31 (скорее даже между 26 и 29) мая, т.е. неделей, когда деятельность Жака Ру достигла своего кульминационного пункта.

Более сложен вопрос, как далеко он продвинулся с продолжением рукописи до 2 июня. О наступившей за эти дни неожиданной перемене на последующих страницах нет ни малейшего намека. В этом зеркале, отражающем грехи современников, можно увидеть аристократов, попов, фельянов и бриссотинцев со всей свитой их экономических прихлебателей. На стр.10 рукописи получает похвалу Гора как неподкупная оппозиционная партия. События, описанные более подробно, приходится на тот же период времени¹⁸: лавирование вокруг цензовой конституции 1791 г., штурм Тюльри, казнь короля, мятеж в Вандее, неудача бельгийского похода. Эскурсы по вопросу о народном образовании и экономическом положении не имеют отношения к данному моменту; они взяты из прежних писаний и снова повторяются как в «Петиции», так и во многих номерах «Публициста».

Позволительно усомниться в том, что Жак Ру в бурные дни падения жирондистов нашел досуг, чтобы предаваться литературным радостям. Но не исключено, а очень вероятно, что, начиная с 3 июня, он спокойно, словно ничего не случилось, стал прясть старую нить. Но теперь стремительный ход событий заставляет Жака Ру торопиться: если он хочет привести речь в такой вид, чтобы она достигла своей цели, то он должен считаться с событиями, и страницы 4-17 в рукописи, которые только местами являются оригинальными, нужно было за два вечера закончить.

Несомненно, что события все же опередили его. На стр.18 веет новый ветер; Жак Ру больше угрожает, чем жалуется, и, начиная с этой страницы, мы больше не встречаем видимых цезур. Страница 18 повествует о наиболее ненавистных «славных действиях» Жиронды во время майского кризиса: об угрозах Инара по адресу восставшего города Парижа и пресловутой комиссии двенадцати. Затем прямо говорится о последних волнениях в провинции, о парижском народном восстании и о непосредственных достижениях: исключении вождей Жиронды из Конвента. Теперь, после победы, настало время указать, предложит меры, выдвинуть требования, предложить программу¹⁹ новому правительству, от которого можно ожидать, что оно выслушает эти требования, если его к этому побудит, что, по-видимому, и представляется весьма необходимым²⁰.

Тем самым мы перешли в «якобинский» июнь. К его началу, середине или концу? Теперь, когда мы дошли до теоретической части рукописи нам не хватает фактов, подтвержденных календарем, и мы должны удовлетвориться косвенными указаниями. Во второй части нет ничего, что не могло быть сказано в первой трети июня, но не хватает того, чего мы, несомненно, могли ожидать во второй его трети, а именно хоть одного слова о дебатах по поводу конституции. Едва ли можно себе представить, чтобы автор мог о них умолчать в то время, как распаленный «Отцом Дюшеном» «весь Париж» дискутировал об этом: тем более, что Жак Ру в самом начале называет хорошую конституцию первым средством устранения бедственного положения в Республике и в середине июня сосредоточивает всю свою деятельность на вопросе о конституции, в результате чего им и создается «Петиция».²¹

Таким образом можно установить, что Жак Ру отложил свою рукопись с временным, далеко еще не окончательным заключением²² в сторону, чтобы около 10 июня или, примерно, вскоре после него представить свою петицию в более действенной форме непосредственно высшим учреждениям нации²³. Ранее начатую «Речь» он мог закончить когда-нибудь в другое время при подходящем случае, (сделать это ему помешали сначала нападки его объединенных противников²⁴; затем, после смерти Марата, получив в свое распоряжение газету, он уже не нуждался для распространения своих воззрений в церковной кафедре или в памфлетах. Все это привело к тому, что рукопись была окончательно отложена, чтобы 24 августа оказаться в руках полицейских комиссаров Фраудюра и Марино²⁵.

По мнению Собоуля, Жак Ру в своей «Речи» возвращается к своей обычной тематике, несколько расширив ее, что, несомненно, верно, но этим не все сказано. Наоборот, тот, кто читает эту рукопись отдельно от других писаний Ру, может под ее впечатлением прийти в восхищение от решительности и бескомпромиссности его рассуждений и переоценить ее значение.

Нам представляется, что это впечатление является не только результатом значительного числа «новых» идей по сравнению с прежде изложенными или ставшими всеобщим достоянием эпохи, но также, если не прежде всего, от того, «когда» и «как» она написана. Все же ради удобства обзора, следует сначала выяснить, что относится к старому идейному содержанию: было ли оно уже параллельно или одновременно изложено в другом месте: эта работа должна быть проделана, исходя из вышеизложенной гипотезы о том, что рукопись была начата между 26 и 31 мая и в основном (т.е. до стр.16-17) продолжена до 2 июня, а в последующую неделю закончена.

Основная установка Жака Ру, если верить первому, направленному против него в 1790 г. доносу²⁶ и его собственным уверениям²⁷, оставалась неизменной с самого начала революции. Главные мысли, проводимые в «Речи», были в первый раз высказаны им в литературной форме в обеих произнесенных им в мае и декабре 1792 г. и затем напечатанных речах: «Речь о средствах спасения Франции и свободы...» (май 1792 г.) и в уже цитированной «Речи о казни Людовика последнего, о преследовании спекулянтов, грабителей и предателей...» (декабрь 1792 г.)²⁸; для 1793 года можно привлечь петиции секции Гравилье, при написании которых Ру был или сотрудником или даже автором²⁹.

В первом из названных сочинений он изобличает умеренных, священников-фанатиков, депутатов и должностных лиц; он требует - весной 1792 года! - разоружения подозрительных и ареста членов семейств эмигрантов в качестве заложников. Внутренняя и внешняя война, замечает он, была затеяна «дворянским и духовным отродьем». Для ростовщиков и спекулянтов он требует смертной казни. Среди прочих обвинений он ставит им в вину обесценение ассигнатов и дороговизну; фраза: «те, кто продают съестные припасы по чрезмерным ценам» почти дословно повторяется в нашей рукописи. То же самое можно сказать при сличении со вторым произведением. Жак Ру вновь напоминает депутатам (на этот раз Конвента), что они являются лишь представителями народа, который не потерпит никаких покушений на его суверенные права «после того, как он окончательно переступил через бездонную пропасть, отделяющую раба от свободного человека...» Ру советует выступить против тех, «кто присваивает себе плоды земли и продукты промышленности, кто нагряждает на чердаках алчности съестные припасы первой необходимости и производит ростовщические расчеты слезам и нищете народа». Матьез утверждает, что находил эти поразительно ранние предвестники террора слово в слово в многочисленных петициях Национальному собранию³⁰. И не потому, что санкюлоты присваивали себе мысли и открытия Жака Ру. Он не только не изъяслял притязаний на оригинальность своей философии, но решительно отклонял их: «друзьям равенства следует лишь предписать мне путь, по которому я должен следовать, и я считаю самой большой для себя честью способствовать их благородным усилиям»³¹. В этом видно понимание своих возможностей в качестве политического главаря и одновременно понимание подлинной и высшей функции вожака масс в буржуазной революции. Но отсюда следует так же, что поиски «идейной родословной» его лозунгов практически бесплодны. Он выбирает и чеканит их из совокупности окружающих его голосов и настроений. Именно благодаря этому они приобретают свои ценные качества. Не Жак Ру исчерпывает себя в утомительном повторении своих речей 1792 и 1793 годов - это буржуазия еще не ответила на вопрос о средствах и путях, о результатах и смысле революции для народа. Подлинно буржуазная Жиронда по понятным причинам отказывалась дать ответ после 10 августа; радикальная Гора медлила дать его после 2 июня. Не мудрено, что нация, созревшая в процессе революции, что плебейский авангард, участвовавший во всех сражениях, не могут успокоиться, пока не выяснят вопросы: «отчего» и «куда». Жак Ру изменил бы себе и своей миссии, если бы занял при этом обособленную позицию. Поэтому и «Речь» в мае - июне 1793 года также не является оторванной от других его работ.

Секция «Общественного договора», Революционный женский клуб Клер Лакомб, [секции Обсерватории](#), [Финистер](#), [Санкюлотов](#) и другие выдвигают в это время те же требования: «уничтожить всех известных заговорщиков, арестовать всех подозрительных, спекулянтов, скупщиков съестных припасов, конфисковать имущество заговорщиков, сийть с занимаемых ими должностей всех бывших привилегированных, создать армию из санкюлотов, ввести принудительный заем, обеспечить вспомоществование неимущим...»

8 июня в «Публицисте» [Марат](#) нападает на Комитет общественного спасения и клеймит дантонистов названием «усыпители» (В «Речи» это наименование встречается на стр.19). В тот же день [Варле](#)³² читает свою «Торжественную декларацию прав человека в обществе». Он стремится уравнивать «колоссальное неравенство состояний» и предлагает превратить в национальную собственность все богатства, захваченные путем хищений, спекуляции, монополии, мошенничества и ростовщичества у народа. Мы узнаем источник, из которого черпает Жак Ру, и среду, в которой он развивался.

Эта одна сторона вопроса. Но это еще не вся правда.

Нельзя исчерпывающим образом проанализировать «Речь», не рассмотрев еще раз всех проблем, занимавших современников Жака Ру³³, но это выходит за рамки нашей задачи. Все же следует указать на двойной аспект «Речи», на ее тактическую и стратегическую цель.

«Речь» эта является прежде всего оружием левых в споре по вопросу о падении Жиронды и о неизбежных последствиях этого падения. То, что Жак Ру отстаивает непрерывность проводившейся им до сих пор линии, не представляет собой ничего неожиданного в момент, который как бы открывал реальные перспективы успеха и доказывал справедливость его критики. Он не только писал, но одновременно говорил и действовал в секции, в комитете Епископства, в генеральном совете Коммуны, в качестве члена которого он читал 31 мая свою программу действий³⁴. Это была не легкая задача - изложить все эти мысли на бумаге: аргументация бешеных требовала как углубления, так и, главным образом, более широкой гласности. Ибо в это время массы в своем большинстве, но не должностные лица (*gens en place*), включая левых³⁵, были на их стороне. Успех восстания, в частности в Париже, не вызывал сомнений. Начиная с «санкюлотизации»³⁶ большей части еще сопротивляющихся руководителей секций. Жиронда в мае была безнадежно изолирована; устами Робеспьера³⁷ якобинцы стремились возбудить народный гнев, чтобы силой сломить «парламентское большинство» своих противников. Однако достигнутые этим путем результаты стояли под угрозой.

Якобинцы и бешеные интерпретировали это событие в точном соответствии со своей действительной позицией, каждый со своей классовой точки зрения. Этим объясняются многочисленные неожиданности в дни переворота и, еще более, споры в июне относительно выбора средств и глубины подлежавших осуществлению структурных изменений. Осторожность якобинцев обуславливалась заботой о национальной безопасности: они стремились избежать гражданской войны пока дела на фронтах шли плохо и не дать массе буржуазии перейти в лагерь противника. Но все они - от [Дантона](#) до [Шомета](#) и [Эбера](#) - делают это буржуазным способом. «Сила вещей» (*force de choses*) [Сен-Жюста](#) еще не заставляет их перерасти самих себя. Разоружения и аресты, начавшиеся 1 июня³⁸, прекращаются в некоторых секциях под энергичным воздействием умеренных. Декретированное в принципе создание революционной армии на самом деле остается мертвой буквой. Дело не доходит ни до организации сословных и особых судов, ни до создания более строгих законов. Налог на состояния проводится как военный налог, который хотя и ударяет тяжело по рантье, но оставляет лазейку промышленникам и купцам, переключившим налог на потребителя³⁹. В хоре правительственных газет [«Отец Дюшен»](#) гордо оповещает, что во время «третьей» революции не была разгромлена ни одна лавка, не была пролита ни одна капля крови⁴⁰. Его программа - примирение классов; подобно блудному сыну, буржуа должен был быть принят в лоно народа, что торжественно преподносится как его «санкюлотизация»⁴¹. И для того, чтобы устранить всяческую неясность, непосредственно вслед за этим следует замаскированное предупреждение, которое создает новый фронт: отныне патриоты и враги отечества распознаются по своему отношению к якобинской конституции⁴². Тем самым, тот, кто ее осуждает с левых позиций, ставится на одну доску с умеренными, роялистами, одним словом, с контрреволюционерами.

Это говорит не какой-нибудь Камбон или Карно, это говорит Эбер, ибо в эпоху революционного подъема бить левых можно было лишь «левыми» козырями. Ничто не могло быть более важным, чем нужное слово в нужный момент и в нужном месте, если санкюлоты не хотели признать себя побежденными. Необходимо было, чтобы Жак Ру сказал его здесь и сейчас независимо от того, было ли оно «старым» или «новым» и говорит ли он один или вместе с другими - [Леклерком](#) и [Варле](#). Хорошо, что он не дал себя совратить и не унился до того, чтобы использовать народ как прикрытие для своих личных интересов. Таким образом, его рукопись отражает подлинный классовый конфликт и за неимением других источников является для нас незаменимой. Массы ждали решительных ударов: Жак Ру наносит их, говоря именно о тех проблемах, которые новое правительство старалось затушевать⁴³.

Это положение связано с другим. Жак Ру считает, что настал момент для выяснения основных принципиальных вопросов. Это также усилило расхождение между буржуазным и плебейским крылом участников восстания 2 июня. Гора торопится представить свою конституцию, чтобы завершить и увенчать революцию⁴⁴. Бешеные не оспаривают того, что монархическая конституция 1791 года более чем устарела и, следовательно, должна быть заменена другой. Но для них конституция представляется лишь вратами - и не обязательно главными - в царство полной свободы и, может быть, полного равенства⁴⁵. Поэтому Жак Ру должен попытаться выразить стремления народных масс, причем в данных условиях эти стремления должны получить возможно более осязаемую форму, служить не только обещанием осуществления эсхатологического идеала, а реальной надеждой на осуществление «земного счастья». Он не рисует фантастических картин будущего, но трезво излагает то, что должно случиться, или то, чего нельзя допустить, чтобы этот идеал осуществить; он указывает при этом и на свою роль. Поэтому он в «Речи» излагает свою теорию революции или учение о народной революции в более собранном виде, чем в каком-либо из других своих сочинений.

На этой теории, несомненно, лежит печать неясности и непоследовательности, свойственных бешеным, которые в качестве выразителей идей мелкого люда, «бедняков», т.е. только что возникшего классового блока, пытались превратить пролетариат в «класс для себя», причем воплощали собой, не будучи в состоянии разрешить его до конца, противоречие между мелким производством и наемным трудом. Против политической экономии Жака Ру уже в те времена можно было многое возразить⁴⁶. В своем просветительском оптимизме, он переоценивает педагогический фактор⁴⁷, вместо социальных и политических категорий и понятий выдвигает моральные⁴⁸, которые часто являлись описанием событий, но их не объясняли. Поэтому предлагаемые им меры часто звучат

примитивно, тем более, что состояние производительных сил делало иллюзорным «конечное решение» в смысле «народной республики»⁴⁹. Всякая разновидность эгалитаризма, даже плебейского, должна была бы разбиться об эту непреодолимую преграду⁵⁰.

Все же Жак Ру в своей «Речи» сделал несколько шагов - насколько это было в его силах - по пути к уничтожению этой преграды. Он понимал, что антагонистические противоречия непримиримы и могут быть устранены только одной силой; он признавал, что они не ограничиваются борьбой между феодалами и третьим сословием, но идут дальше: что в конечном счете, с одной стороны, стоят сплоченные между собой эксплуататоры и угнетатели - дворянская, финансовая и церковная аристократия⁵¹, а с другой - трудящиеся массы. Конечно, главный вчерашний враг, монархизм, еще силен; в союзе с наемниками европейских династий он выступает за реставрацию, и все патриоты должны объединиться, чтобы помешать ему. Но при этом не следует забывать, что народная революция совершается не для того, чтобы заменить привилегии рождения и сословия привилегиями богатства и власти. Жак Ру называет этих новых богов: банкиры, крупные купцы, промышленники (в «Манифесте» он прибавит еще судовладельцев и употребит слово «капиталисты»)⁵², причем он видит в них не группку случайных любителей наживы, а систему нового господства, бросающую тень на революционную Францию; это истинные экономические владыки буржуазного общества, издевающиеся над политической демократией суверенного народа, республикой и ее исполнительной властью; поэтому он и называет их подлинными анархистами и убийцами, умерщвляющими людей голодом. Таким образом, главный удар должен быть направлен против них, против богачей не из желания их ограбить или из зависти, но по соображениям гуманности, из любви к народу. Поэтому его речь оканчивается не воздыханиями о желательности новой конституции⁵³, а призывом к уничтожению богачей, как таковых, для того, чтобы свобода и равенство не оставались только мечтой. Как мы уже говорили, автор в начале работы над своей рукописью, может быть еще не собиравшись столь решительно ставить проблему и выявлять самые корни, от которых произрастают все недуга: измены, лихоимство, себялюбие, трусость, разложение, недостаток республиканского сознания; и мы не встречаемся с подобным ярким заострением вопроса ни до, ни после, ни в «Манифесте» и ни у кого-либо другого из бешеных. Революция в свой кульминационный момент выдвинула их вперед, и в течение нескольких июньских дней они оказались, возможно, наиболее смелыми. Мы были бы беднее, если бы не узнали об этом из «Речи».

Между тем Жак Ру не пошел напролом. После того как партия якобинцев показала себя во время июньского кризиса наиболее сильной, он понял, что момент для осуществления «передовой» платформы прошел. Даже и без технических причин, помешавших впоследствии напечатанию «Речи»⁵⁴, такое радикальное сочинение с трудом могло бы увидеть свет⁵⁵. Ру отступает на шаг назад, чтобы поднять широкие массы плебейской оппозиции против «обуржуазившейся» власти 2 июня. Первый среди бешеных, он приспосабливается к создавшемуся положению и соглашается скрестить клинки в спорах по поводу выдвинутых в «Манифесте» двух дополнительных, правда завуалированных, пунктов конституции.

«Манифест», будучи намного короче «Речи» и значительно лучше стилистически обработан, пользуется ею как материалом. Если отвлечься от произошедшего за это время изменения политического положения, то можно - настолько велико совпадение отдельных частей - принять «Манифест» за вторую (редакцию «Речи», рассчитанную на другой, более образованный круг читателей. За «Манифестом» стоят две секции и клуб Кордельеров: Жак Ру считается с ними и выступает как адвокат санкюлотов, выражение, которое - и это весьма характерно - в «Речи» отсутствует. В «Манифесте» формулировки Ру более точны и лучше опровергают последующих социологов, хотевших сделать из него апостола кабатчиков и разорившихся ремесленников. Он понял сущность как нового господствующего класса, так и будущей противодействующей силы, «класса трудящихся»⁵⁶: «неимущего рабочего»⁵⁷, «пролетария» **Бабефа**.

Поэтому «Речь о причинах несчастий французской республики» занимает прочное место в истории борьбы за формирование нового классового сознания, родившегося и развившегося в огне революции, классового сознания, которое, согласно предсказанию Жака Ру,⁵⁸ вскоре перешагнуло границы Франции.

1 Histoire socialiste (1789-1900), v.IV; La Convention, t.II. Paris s.a., p.1606-1607.

2 A.Mathiez. La vie chere et le mouvement social sous la terreur. Paris, 1927. p.342-343. Матьез уже в 1914 г. опубликовал в «Annales revolutionnaire» найденную им в рукописи (W20, d.1073. Рукописи, обнаруженные у гражданина Жака Ру, стр.1) петицию Конвенту, получившую известность под названием «Манифест бешеных». Однако ее нельзя считать новой публикацией, так как она была уже напечатана в июле 1793 г. лишь с незначительными изменениями (вопреки мнению Я.М.Захера, полагающего, что в напечатанном тексте нет никаких отступлений от рукописи). Впервые перепечатана у Домманже в 1948 г.

3 W.Markov. Robespieristen und Jacquesrouins. «Maximilien Robespierre. Beitrage zu seinem 200. Geburtstag». Berlin, 1958, s. 176-179. В этой статье указана вся литература и источники, на которые здесь я больше ссылаться не буду.

A.Soboul. Les sans-culottes parisiens en l'an II. Histoire politique et sociale des sections de Paris. 2 juin 1793-9 thermidor 1794. La Roche-sur-Yon, 1955, p.64, n.205. Я не согласен со всеми деталями расшифровки рукописи, сделанной Собулем при подготовке его большого труда, но выражаю ему признательность за содействие при чтении многих неразборчивых мест оригинала.

5 Я.М.Захер. «Бешеные». Л., 1930, стр.59-63 с тремя краткими цитатами из рукописи в примечаниях.

6 О **Варле**, **Леклерке**, **Клер Лакомб** и отчасти о Долинье сохранились данные, имеющие большую биографическую ценность, но не осталось рукописного наследства. Рукописное наследство Жака Ру, кроме «Речи» и письма к Пети, ограничивается конспектом (полторы страницы) одной из его статей. Что касается его прощальных писем, то существует только их копия, написанная не его рукой.

7 «Революционное движение, которое началось в 1789 г. в Cercle social, которое в середине своего пути имело своими главными представителями **Леклерка** и **Ру** и, наконец, потерпело на время поражение вместе с заговором **Бабефа**, - движение это породило коммунистическую идею, которая после революции 1830 г., снова введена была во Франции другом **Бабефа**, **Буонаротти**. Эта идея, при последовательной ее разработке, есть идея нового мирового порядка». К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, т.2, стр.132.

8 Это говорит, хотя и не вполне опровергает, против высказанного однажды устно Вернером Краусом предположения, что Жак Ру, вероятно уже при старом порядке выступал - по тогдашним условиям анонимно - в качестве литератора. То, что он никогда не упоминает об этом, хотя охотно и подробно говорит о себе и своих произведениях, можно объяснить тем, что эти «юношеские произведения» были пропитаны духом, о котором революционеру II года вспоминать не хотелось.

- 9 Вместе с Матъезом (Op.cit, p.340) следует признать, что Жак Ру поссорился с печатником Шеми-Дюпинте в секции Гравилье, впоследствии основавшим «Теофилантропическую» секту, по более серьезным причинам: после этой ссоры он давал печатать свои сочинения Типографскому обществу (улица и колледж Шоле), у Лебуа (улица Муффтар и Иев-Сен-Медар), у Фере (улица Марше-Палю).
- 10 Почти исключено, чтобы Жак Ру пользовался при сочинении «Петиции» только одним наброском. Ему требовалось по крайней мере два, так как ему во всяком случае приходилось ее переписывать. Ср. W.Markov, Op.cit. S.181, anm.58.
- 11 «Перевернуть страницу» автор мог написать и для себя, поскольку он свои речи сначала произносил, а затем только отдавал печатать. Однако он сам как уверенный в себе оратор мог запутаться в собственном почерке еще скорее, чем наборщик. Профессиональный проповедник - он хорошо знал это. Остается рискованное предположение, что он при перелистывании рукописи хотел избежать последствий собственной рассеянности, степень которой нам неизвестна. Не исключено, что он говорил свои проповеди свободно, не опираясь на текст. Как происходило на самом деле, нам неизвестно; положительное утверждение Я.М.Захера (указ.соч., стр.60) остается чистой гипотезой.
- 12 Она несколько отличается, однако скорее по тону, чем по выражениям, от его первых произведений дореспубликанского периода: «Le triomphe des braves Parisien sur le ennemie du bien public, par M.Jacques Roux, pretre du diocite d'Angoulome. apotre et martyr de la revolution». S.d., s.1. Bibl. nat., Lb3S 8638.
- 13 Заголовок второй части «Sur les moyens de detourner lo cours dos malheurs public») («О средствах предотвратить общественные бедствия») не точно соответствует содержанию; намерение сказать несколько слов о новой конституции не осуществлено, равно как не дано более точных указаний относительно способов улучшить положение народа. О причинах, которые привели к этой отсрочке или пропуску, см. ниже. Все же не может быть сомнений, что часть, озаглавленная «Sur les moyens de detourner...» совпадает с ранее задуманной второй частью.
- 14 Здесь полемика сосредоточивается на главном пункте «Речи»: борьба против богатей. Во вводной части (стр.1-2) эта тема появляется лишь как одна из многих. Во время написания «Речи» произошел переход от концепции, имевшей чисто политический характер, к ярко выраженной социально-критической.
- 15 Доказательство это исходит из трех неточных положений: во-первых, переворот в Лионе, жертвой которого пал Шалье, произошел 29 мая, а слух о нем достиг Парижа 2 июня. Переворот в Марселе произошел еще раньше. Далее Жак Ру вообще не упоминает Кальвадос, входивший в состав Нормандии; под «западными департаментами» он, вместе со всеми публицистами тех дней, имеет в виду угрожаемые вандейцами области по обоим берегам нижней Луары, и, во всяком случае, прилегающую к этим областям Бретань. В конце концов, все это является terminus post quem, а не ante quem; оперируя этими данными, можно было с таким же основанием говорить о начале июля.
- 16 Об этом можно судить по ускоренному выпуску одного за другим номеров «Публициста».
- 17 Последняя напечатанная им речь датирована декабрем 1792 г.: «Discours sur le jugement de Louis le dernier, sur la poursuite des agioteurs, des accapareurs pt des traties...» Paris, s.d. Bibl. nat., Lb40 2014.
- 18 На стр. 8 сказано, что секта умеренных посеяла семена гражданской войны. Но поскольку из сопоставления текста следует, что говорится о конце 1792 и начале 1793 г. (провозглашение республики, выступления в печати Роллана, попытки из-за рубежа спасти Людовика XVI), то речь идет не о гражданской войне, происходившей в июне 1793 г., а о более ранних событиях на Юге, начале Вандеи и т.д.
- 19 К концу меняется и адресат. В то время как Жак Ру обычно обращался к народу, при случае - риторически - к вероломным народным представителям, в конце он переходит к непосредственным нападкам на богатей.
- 20 Речь идет о первой «дантонистской» переходной фазе к якобинскому революционному правительству.
- 21 Этой проблеме в целом посвящена работа Я.М.Захера «Жак Ру и якобинская конституция 1793 г.» в сб. «Межвузовская конференция по истории якобинской диктатуры 20-22 июня 1958 г.». Одесса, 1958, стр.43-46 (Тезисы).
- 22 Жак Ру первоначально, по-видимому, собирался коснуться вопроса о роли и деятельности обновленного Национального собрания и о республиканской конституции. Однако рукопись не прерывается, но с помощью нескольких крупных исправлений получает по содержанию несколько преждевременное, но риторически очень впечатляющее заключение.
- 23 Гипотеза об обратном процессе работы: будто бы Жак Ру занялся в это время «Петицией», и лишь окончив ее, снова обратился к «Речи», представляется психологически невероятной. Это же относится и к предположению об одновременной работе над двумя близкими по содержанию рукописями.
- 24 Это видно, между прочим, из того, что Жак Ру в приложении к «Петиции», напечатанной в начале июля, сообщает о «Речи» как о сочинении, еще готовящемся к выходу.
- 25 От них оно перешло в следственное дело, которое после отстранения признавшего себя некомпетентным Шателе, было передано общественному обвинителю (ср. с этим кроме W 20, d. 1073 также W 111). Вместе с бумагами Фукье-Тенвиля оно попало в серию W (Революционный трибунал) Национального архива. При временном освобождении под поручительство из-под ареста 27 августа Жак Ру своих бумаг обратно не получил, иначе на них стояла бы пометка о втором приложении к делу после его окончательного ареста 5 сентября. Это вполне естественно, ибо следствие за этот промежуток времени не прекращалось.
- 26 В Сентонже он «обвинялся в проповеди опасного учения о том, что земля принадлежит всем, и в том, что возбуждал народ против людей, обладающих богатством». Arch.nat., F7 3064. Тюрпен - министру внутренних дел.
- 27 «La republique etait dans mon coeur avantqu'elle fut proclamee». Arch.nat., W20, d.1073. Pieces manuscrites..., p.2. См. также письмо Жака Ру к Марату от июля 1793 г. («Publiciste», Д*259, 22.VIII.1793), с теми оговорками, которые сделаны Я.М.Захером в статье «Жан Варле во время якобинской диктатуры». («Новая и новейшая история» 1959, № 2. стр.114).
- 28 M.Dommanget. Jacques Roux (Le cure rouge) et le Manifesto des «Enrages» (Les «Enrages» centre la vie chore). Paris, p. d., p.19-22, 28-29.
- 29 Последняя датирована 27 мая (Arch.nat., G256, d488, p.24). Приписываемое иногда Ру авторство петиции 48 секций от 10 февраля 1793 г. очень мало обосновано.
- 30 A. Ma thie z. Op. cit., p. 132.
- 31 «Le Publiciste de la Republique franraise». X 271 октябрь-ноябрь 1793 г.г.
- 32 Я.М.Захер. Жан Варле во время якобинской диктатуры. «Новая и новейшая история», 1959, № 2, стр. 17-118.

- 33 См. W.Markov. Grenzen deh Jakobinerstaates. «Grundpositionen der französischen Aufklärung», hrsg. von W.Kranss u. H.Mayer. Berlin, 1955, S. 211-242, 319-352.
- 34 Bibl.nat., Ms., Anc. suppl. franc.ais, f. 217: «Moniteur». XVI. 534 Цит. у Tuetey, VIII, N 2664.
- 35 По вопросу о вражде между Жаком Ру и Коммуной, см. С.Л.Сытин. Борьба плебейских масс Парижа во главе с Ру и Леклерком... «Ученые записки Ульяновского гос. пед. ин-та», 1956, Л° 8, стр.253-326.
- 36 См. «Die Sansculotten von Paris». Dokumente zur Geschichte der Volksbewegung 1793-1794. Herausgegeben von W. Markov und Albert Soboul. Berlin, 1957.
- 37 См. А.З Манфред. Споры о Робеспьере. «Вопросы истории», 1958, № 1. стр.62-85.
- 38 А.Собуль. Op. cit., p. 41, с указанием источников.
- 39 Жак Ру блестяще предсказывает это в «Манифесте» на стр.5: «Правда, вы декретировали принудительный заем в один миллиард для богачей; но если вы не вырвете с корнем древо спекуляции, если не обуздаете алчности скупщиков общественного достояния, то капиталисты и торговцы, начиная с завтрашнего дня, в результате монополии и взяточничества переложат эту сумму на санкюлотов; поэтому вы ударили не по эгоистам, а по санкюлотам».
- 40 «Pere Duchesne», № 243.
- 41 «Pere Duchesne» заставляет «богача» сказать: «Я полагаю, что в интересах богачей санкюлотизироваться... Да, отец Дюшен, откровенно говоря, я мирюсь с санкюлотами».
- 42 Ibid. NN 245, 246.
- 43 Ни в «Речи», ни в «Манифесте» мы не встречаем двух пунктов программы, наиболее часто упоминаемых и решениях секций санкюлотов, - всеобщий максимум и создание революционной армии. Нет никакого смысла теряться в догадках, «забыл ли» (?) о них Жак Ру, считал ли, что они само собой вытекают из уже сказанного, или же полагал на первых порах вообще сомнительным достижением декреты (1 мая и 4 июня) о «преторианской гвардии» (выражение это родилось в секциях), которая должна была существовать наряду с армией и национальной гвардией («вооруженные силы» в каждой секции).
- 44 Гора считала себя «близкой к цели». В дебатах Конвента по поводу «Петиции» Жака Ру, было сказано, что Париж «вместе со всей Францией входит в порт мира». - «Procès-verbal de la Convention Nationale imprimé par son ordre. 25. VI 1793.
- 45 Жак Ру в «Речи» на стр.19 говорит о «чистой и совершенной свободе», противопоставляя ее мнимой свободе буржуазной Англии; часто он отдает предпочтение выражению «равенство» (а также «уравнение общества», стр. 18). Однако, как это видно из стр.15, он не проводит строгого различия между этими понятиями: под «великими принципами свободного государства» он подразумевает, что «плоды земли, как и силы природы, принадлежат всем людям». Выражение «полное равенство» (egalité parfaite) не встречается ни в «Речи», ни в «Манифесте», в то время как Бабеф употреблял его уже в 1791 г. См. В.М.Далин. Робеспьер и Бабеф. «Новая и новейшая история», 1958, № 6, стр.88-97, особенно стр.91; его же. Бабеф весной 1793 года. «Из истории рабочего класса и революционного движения». Сб., посвященный памяти академика А.М.Панкратовой. Москва, 1958, стр.579-582.
- 46 Эти рассуждения почти буквально совпадают с соответствующими весьма длинными (и за это осужденными в протоколе Конвента) рассуждениями в «Манифесте» (pp.5-9). Теоретически они, как и Буонаротти, опираются в основном на «Политическую экономию» Руссо.
- Буржуазное и плебейское «национальное воспитание» отличаются одно от другого по преследуемой ими цели: первое стремится образовать политически сознательных демократов, второе - сломить монополию образования, чтобы открыть народным массам доступ к занятию всех республиканских постов. Несмотря на обычные ссылки на мученика Лепелетье, здесь имелась и шпилька по адресу якобинского Литтре. Поучительная попытка синтеза дана в инструкции [Колло д'Эрбуа](#) и [Фуше](#) из Лиона от 16 ноября 1793 г., удачно прокомментированная Р.-К.Коббом («Die Sansculotten von Paris». Dok. N 52. Arch.nat, F7 4438 и W 146).
- 48 Следует обратить внимание на различие между моралью и добродетелью, данное на стр.10.
- 49 E.Barry. Essai sur la denunciation politiqu. Цит. по статье A.Soboul. An den Urspringen der Volksdemokratie. Politische Aspekte der Sansculotten-demokratie im Jahre II. «Beitrage zum neuen Geschichtsbild». Berlin, 1956, S.131.
- 50 Ср. «Речь», стр.20 (стр.566 наст.сб.) о всеобщей благотворительной кассе; см. также В.И.Ленин. Сочинения, т.12, стр.318.
- 51 Во время дебатов в Конvente 25 июня Ру упрекали в том, что он замолчал этот вопрос, намекая при этом на его принадлежность к духовенству. «Речь» показывает, что Тюрюи был неправ; в ней виден Жак Ру не только как антиклерикал, но и как страстный борец против догмы, выступавший задолго до движения дехристианизации, влияние которого чувствуется в последних номерах «Публициста». Жак Ру не дошел до атеизма (Ср. W.Markov. Robespieristen und Jacquesrouths, S.186. Anm. 7-4); его выступления против привилегии собственности, которую он считал более опасной, чем права дворянства и монополия духовенства, обусловлены не опасениями задеть его «братьев по ремеслу», но правильным пониманием общественных отношений.
- 52 Он употребляет слово «капиталист» в ограниченном смысле XVIII века: финансист, денежный мешок («Речь», стр.5).
- 53 На основе опыта 1791 г. Жак Ру на стр.18 с полным основанием скептически замечает, что можно обесценить конституцию конституционным способом.